

Л. Леонидов

Призраки Дракулы

Леонид И. Леонидов

Призраки Дракулы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510598
Призраки Дракулы: Издательство «Перо»; М.; 2023
ISBN 978-5-00218-368-5

Аннотация

О тайнах румынской революции 1989 года.

Содержание

Часть 1. «Золотая эпоха Чаушеску»	7
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	49
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	68
Глава 12	71
Глава 13	74
Глава 14	76
Глава 15	82
Часть 2. «...нет у революции конца»	86
Глава 1	86
Глава 2	91
Глава 3	97
Глава 4	105
Глава 5	114
Глава 6	125

Глава 7	127
Глава 8	130
Глава 9	133
Глава 10. Срединная пирамида	145
Глава 11	154
Глава 12	161
Вместо заключения	170

Леонид Леонидов

Призраки Дракулы

© Леонидов Л. И., 2023

* * *

Ночь медленно опускалась на Карпаты. Заходящее солнце косыми лучами расцветивало кроны деревьев. Все цвета радуги, как волшебные декорации, сменяли друг друга под аккомпанемент шуршащей листвы. Закатный ветерок гнул ветви деревьев, как бы расчищая дорогу уходящему солнечному свету, продлевая земле жизнь перед ночным сном. Но краски разноцветья меркли под натиском опускавшейся ночи. Ночь садилась как «чайная баба» на раскаленный самовар, шелестя многочисленными юбками. Под натиском прохладного воздуха земля отдавала тепло в виде конденсата, который устремлялся вверх как пар из носика самовара. Похоже, кто-то готовился к чаепитию.

На фоне ночного неба острые вершины гор казались башнями замков, а горная гряда напоминала зубчатую крепостную стену. Воющие на полную луну волки едва дождались упавшей внезапно темноты, чтобы начать свой устрашающий концерт. Испуганные такой какофонией мелкие звери от ужаса искали укрытия и ревели, содрогались от страха.

Эта звериная «свадьба» разносилась на десятки километров и, казалось, что грозные Карпаты застыли в испуге как перед неким стихийным бедствием. Звериный концерт вдруг внезапно стихал, как и начинался.

Только ночное небо оставалось безучастным. Мириады звезд нависали так низко, как в детском планетарии, что стоит подпрыгнуть, и горсть далеких планет у тебя в руке. Ночное небо зовет и манит, оно прекрасно в своей неохватности и безбрежности. Оно спокойно, особенно, когда на земле спокойно. Когда же на земле берут вверх звериные инстинкты, тучи закрывают небо от разгула насилия. Народная молва гласит о том, что, когда господарь Влад Цепеш (Дракула) устраивал массовые казни: одних сажал на кол, других сбрасывал в пропасть на острые колья, Карпаты заволакивало тучами, разыгрывалась гроза с молниями и проливным дождем. Звери замолкали, а на многие километры раскатывались стоны и дикие крики. Тучи расступались, давая проход душам несчастных, взлетавших на небо. В нашей необъятной Вселенной рождались новые звезды.

Часть 1. «Золотая эпоха Чаушеску»

Говорят, бывают дни, когда темными ночами души невинно убиенных спускаются на землю, чтобы не дать сотворить новое зло.

С чего все начиналось?

Маленький отель в центре Будапешта затерялся в узких улочках и переулках, поэтому найти его было непросто. Выбор трансильванских венгров пал на него не случайно. Даже пересекая границы Румынии, чьими гражданами они являлись, чувство небезопасности их не покидало. «Секуритатэ» – тайная полиция Чаушеску раскинула свои сети по всему миру. В книгах генерала Пачепы, бывшего начальником внешней разведки Румынии и перебежавшего в США, подробно рассказывается о формах и методах работы румынских спецслужб. Вашингтон благоволил диссидентской политике Чаушеску внутри социалистического лагеря, а румыны в отместку внедрили своего агента в спальню американского посла в Бухаресте. Высокий черноволосый красивый румын, работавший водителем посла США, одновременно был любовником его супруги.

Августовский вечер в Будапеште был по-настоящему летним. Жара явно не хотела уходить, а Дунай повышал влажность до карибских широт. В упомянутом выше отеле посто-

альцев не было, за исключением двух трансильванских венгров. Они вышли в сад отеля и устроились за столиком под двумя яблонями и ветвистой грушей. Листва скрывала их полностью и не пропускала почти ни единого слова. Мужчины сильно потели не только, видимо от жары, но и от напряженного ожидания. Волнение было заметным. Не помогала даже знаменитая вишневая палинка. Ее вкус был таким нежным и тонким, что не требовалась закуска. Судя по всему, они кого-то ждали, а этот кто-то явно опаздывал. Это тревожило. Мужчины говорили о том, что на кон поставлено очень многое: свобода и жизнь людей.

Робкие разговоры о свободе и автономии среди этнических меньшинств стран Восточной Европы начались с приходом к власти в СССР Горбачева. К 1989 году появились признаки того, что политика Горбачева ведет СССР к развалу, а это вызовет эффект «домино» в странах СЭВ и Варшавского Договора. В общем, мир стоял на пороге крупных, точнее «тектонических» перемен.

Безветрие и не спадающий зной даже поздним вечером вызывали воспоминание о зиме. Но два румынских венгра жаждали «жаркую» зиму, поэтому готовы были страдать. Одиночный удар напольных часов Густава Беккера, стоявших в лобби, был такой сильный, что один из венгров вздрогнул. Он сразу посмотрел на ручные часы, как бы перепроверя старинный механизм. Да, действительно, было половина двенадцатого. Тот, кого они ждали, не появлялся.

Неожиданно хрустнула ветка под чьей-то сильной ногой. Оба повернули головы в сторону звука. Там находилась неприметная калитка, о которой знали единицы. И слух их не подвел. Из темноты, как в фильмах ужасов, именно об этом подумал один из венгров, выросла фигура незнакомца. От неожиданности одного из сидевших пронзил озноб. Именно так появились в саду его дома агенты «секуритатэ» пять лет назад. О месяце, проведенном в СИЗО Тимишоары, он вспоминает с содроганием до сих пор. Он думал, что не выдержит пыток и побоев. Особенно старался следователь не румын, а этнический венгр. Тогда он поклялся отомстить обидчикам.

К столику подошел молодой мужчина с комплекцией игрока в регби. Его «шотландка» не позволяла точно определить возраст. Но явный американский вариант английского не оставлял сомнений, что это американец, а манера говорить свидетельствовала, что он родом из южных штатов.

– Джентльмены, извиняюсь за опоздание, в Румынии мы вообще не смогли бы организовать безопасную для вас встречу, а здесь тоже есть свои заморочки. КГБ активно сотрудничает с венграми, а русские работать умеют. Вы томилесь ожиданием, но все приближает нас к общей цели – время «Дракулы» сочтено. Нам дали «зеленый свет», а главное и «зеленые» деньги и немалые. Теперь очередь за вами, вы обучены и при деньгах. Так что вперед.

Глава 1

За окном давно было темно, над Москвой нависало черное беззвездное небо. Дождь, который с легкой руки журналистов стали недавно называть ледяным, сменялся робким снегопадом. Люди, боясь подскользнуться, осторожно ходили по тротуарам. Травмопункты не справлялись с наплывом пострадавших. Невзрачная погода усугублялась ярко освещенными, но практически пустыми витринами магазинов. Горбачевская перестройка, как опыт над советским народом, вела куда-то в никуда. Все приходилось доставать, деньги постоянно девальвировались.

Вот и Алексей, день 25 ноября 1988 года, провел в беготне по магазинам в поисках спиртного на завтрашнюю встречу в кафе «Лель» у метро Алексеевская. Это мероприятие он устраивал для коллег, в связи с отъездом в командировку в социалистическую Румынию.

В этом году он закончил Дипломатическую Академию МИД СССР, в которой проучился два года. Учеба была интересной и увлекательной, блестящие преподаватели, новые знания. Словом, все как надо. Ему дали для изучения французский язык, который наряду с английским и испанским должен был стать третьим в его копилке. Учеба давалась неплохо, но изучение французского отнимало львиную долю времени.

Запомнились три поездки по СССР в ходе учебы: в Одессу и Севастополь, где будущим послам и консулам показывали мощь советской военной техники. Это была как бы военная стажировка. Поездка в Баку преследовала цель ознакомить слушателей с одной из советских республик. Но самой запоминающейся стала поездка по Красноярскому краю, где Алексей, еще с самолета, увидел бескрайние просторы Сибири. Правильно Ломоносов писал: «Мощь России Сибирью будет прирастать». И будущие послы увидели эту мощь – Красноярская ГЭС, Саяно-Шушенская ГЭС, многочисленные подземные склады НЗ СССР, которые через несколько лет разграбили нынешние олигархи. А чего стоил Красноярский завод по производству шагающих экскаваторов. Это стало легендой состязания СССР и США, кто круче по шагающим экскаваторам. Американцы первыми сделали экскаватор с ковшом на 30 кубов, мы позже – на 40, они – на 50, мы – на 60. Когда американцы сделали ковш на 90 кубов, мы ответили ковшом на 100. И соревнование прекратилось.

Французский язык давался Алексею хорошо. Предзащиту своей дипломной работы «О кризисе внешних заимствований стран Латинской Америки» он сделал на французском языке и получил «отлично» и за язык, и за диплом.

Дипломы об окончании Дипломатической Академии в те годы котировалась выше, чем дипломы МГИМО. Выпуску Алексея их вручали в новом здании театра на Таганке. Кстати, на курсе Алексея учились дипломаты из Венгрии, ГДР,

ЧССР, ПОЛЬШИ, Вьетнама и Монголии. В торжественной обстановке ректор Академии произнес речь и объявил, что первыми дипломы получают слушатели, окончившие Академию «с отличием».

Алексей сидел с друзьями, и они тихо обсуждали предстоящий банкет. Как вдруг кто-то сзади толкнул Алексея в плечо и громко сказал, что его вызывают на сцену. Ректор энергично жал руку Алексея, поздравляя с «красным дипломом». Действительно, оказалось, что все государственные экзамены Алексей сдал на «отлично», а в семестровых и годовых экзаменах получил только одну «четверку» за два года учебы.

Но, как бывает, «хорошисты» поехали на работу в Париж, а Алексей с «красным дипломом «вытянул» жребий в Бухарест. Но между строк намекаем, что в этом была и своя «предистория».

После окончания Академии, Алексей начал подготовку в длительную командировку в Аргентину. Закипела бюрократическая процедура: оформление документов, стажировки в разных отделах министерства. Однажды Алексея вызвали в Департамент кадров. Там его принял заместитель директора департамента, и, к большому удивлению Алексея, в кабинете присутствовал Федор, с которым он сотрудничал в Южной Америке.

– Проходите, Алексей Иванович, у нас к вам с Федором

Ивановичем серьезный разговор, – встретил Алексея заместитель директора такими словами.

– Но сначала хочу его представить. Это ответственный сотрудник административного отдела ЦК КПСС. Он с вами хотел бы побеседовать наедине, так что я вас оставляю.

Алексей года два не видел Федора и нашел некоторые изменения. Новая работа потребовала, видимо, изменить многое, начиная с одежды. Федор был одет в безупречно сшитый костюм черного цвета, в идеально отглаженную белую сорочку и красиво завязанный галстук красного цвета. Внешне он больше походил на американского конгрессмена, чем на советского чиновника. Алексей всегда предчувствовал, что Федора ждет большое будущее.

– Алексей, рад тебя видеть, и хочу поздравить с успешным окончанием Академии, не каждый удостоивается «красного» диплома. Это все пригодится, нам нужны талантливые люди. Мир стоит на пороге больших перемен, и ты, я думаю, к этим переменам приложишь руку. Ну, давай сразу к делу.

Только Алексей открыл рот, чтобы уточнить, о чем идет речь, как Федор жестом попросил не перебивать его.

– Ты прости, старина, времени мало, а дел, как всегда, выше крыши. Он не успел договорить, как открылась дверь, и секретарша внесла два чая в подстаканниках с лимоном, сахаром и сушками. Когда дверь за ней закрылась, Федор продолжил.

– Алексей, суть дела такова. Я недавно был на конферен-

ции в Женеве и там встретился с Викторией. Помнишь ту англичанку, с которой мы пережили бурю в перуанской пустыне? Как мы с ней договорились встретиться в Швейцарии – это, отдельная тема, главное, что встретились. Тебе, кстати, большой привет. Вот, что она рассказала. Случайно услышала разговор своего отца, продолжающего служить в «Форин Офисе», с каким-то заезжим американцем. Дверь его кабинета была неплотно закрыта, а ее спальня через стенку. Словом, услышала не все, но много для нас важного. Вот суть: американцы начали операцию по свержению Чаушеску в Румынии, многое неизвестно, но там будут задействованы трансильванские венгры и возможности Парижской масонской ложи, куда входят некоторые влиятельные румыны. Все требует уточнения. Виктория дала мне свой надежный контакт в Бухаресте. Он чилиец, соратник Сальвадоре Альенде, коммунист, к СССР относится с любовью, лоялен Чаушеску. Живет там как политэмигрант. Имеет часовую мастерскую и хорошие связи в разных слоях румынского общества. Виктория недавно с ним встречалась в Буэнос Айресе, на съезде политэмигрантов. Короче все данные о нем здесь в моем портфеле.

– А я могу как-то обдумать такой резкий разворот в моей работе, к тому же у меня нет румынского... Однако, Федор не дал ему закончить фразу.

– Алексей Иванович, партия за вас все определила и с руководством все решила. Вы же коммунист? Вот и надо к на-

шему разговору относиться по-коммунистически.

Никогда раньше Алексей не замечал такого железа в тоне Федора. Видимо, плохо я еще его знаю, подумал он.

– Насчет румынского языка вопрос проработан, вот тебе телефон нашего старого друга. Она – преподаватель румынского языка. Нам она сказала, что на твоей базе французского и испанского языков, ты румынским овладеешь быстро. Живет она в Кунцево, знаешь там «ондатровую колонию», квартал домов Совмина. Так что тебе на твоей «восьмерке» по Кутузовскому пара пустяков.

– Вот, и про «восьмерку» знает, и все распланировал, не успокаивался Алексей.

– Да, и самое главное, при посольстве в Румынии есть средняя школа, сыновья там смогут учиться, а жену устроим на работу. Она ведь учитель истории?

Да, уже более уверенно кивнул Алексей, так как проблема школы всегда была важной для советских дипломатов. По крайней мере, и на эту командировку семья будет полной. Не придется устраивать кого-то из детей к бабушкам или в интернат.

– Ну, я понял по твоим глазам, что тебя все устраивает. Алексей пожал плечами, но ничего не сказал.

– Теперь еще важный момент, партия решила усиливать посольства в социалистических странах сотрудниками, имеющими опыт работы в капиталистических государствах. Потому что, скажем, в Румынии с таким опытом сотрудни-

ков нет. Они привыкли писать телеграммы по передовицам местных партийных изданий, а контакты поддерживают с элитой, которая под «колпаком» «секуритате». Работают открыто без какой-либо конспирации. Ты же умеешь работать по-другому. Вот и пал выбор на тебя. Кстати, чилийца надо перехватить у дома, где он живет, и передать привет от Виктории, остальное он лучше нас знает. Опыт подполья. Главное, чтобы ты его «не спалил». Политэмигрантов румынские спецслужбы не опасаются и «не пасут», а вот за нашим посольством работают. Этот чилиец сказал Виктории, что самый лучший день для встреч – воскресный вечер, когда все румыны с обеда начинают пить «цуйку» – виноградная водка. Так, Алексей, для первого раза хватит, мы еще встретимся у меня на Старой площади и поговорим подробнее. А сейчас – учи румынский, к слову, красивый язык. Да, и еще, большой привет от Ильи Петровича, вы там с ним плодотворно поработали. Получив фотосъемку из космоса, он подготовил конкретные предложения в ЦК. Главная идея – создание совместного предприятия для геологоразведки в районе, где есть золотоносные жилы. Но дело это дорогое, а сейчас денег нет. К этим местам активно подбираются канадцы, у них большой опыт работы в Андах. Ну, и самое последнее – мы пробрили тех двух американцев, которые вас хотели спойти. По данным КГБ, они офицеры ЦРУ. Вовремя ты оттуда увез нашего геолога.

Федор украдкой посмотрел на часы. Резко встал, обнял

Алексея и пожелал ему удачи.

– Я тебе позвоню, мой южноамериканский друг, и по-приятельски подмигнул.

Все эти воспоминания вихрем пронесли в голове Алексея в промозглый вечер 25 ноября 1988 года, когда он просматривал обзор в газете «Правда» результатов завершившегося накануне расширенного пленума ЦК Румынской компартии. Овации, овации, бурные овации в адрес Николае и Елены Чаушеску. Триумф «золотой» эпохи Чаушеску! Внушительные результаты в сельском хозяйстве: урожайность зерновых 50 центнеров с гектара, когда в СССР он составлял не более 15. Алексей в это, конечно, не верил. Решена жилищная проблема – каждая румынская семья получила от государства отдельную квартиру. В том, что это так, Алексей убедился уже будучи в Румынии. За пять лет Чаушеску выплатил внешний долг в размере 15 млрд. долларов. И это подтверждалось западными финансовыми изданиями. Первый случай в истории. В то же время, за четыре года при Горбачеве, задолженность СССР выросла на 60 млрд. долларов и достигла отметки в 120 млрд. Для гипертрофированного болезненного честолюбия Горбачева такие успехи Чаушеску могли бы стать и основанием для смертельного приговора. Но об этом позже.

Конечно, «балканский лис» был хитер и изворотлив. Вся его биография свидетельствовала об этом: от мелкого ворюшки, сблизившегося в тюрьме с коммунистами – до лиде-

ра Румынии. Его стратегическая ошибка – зря он ввязался в оплату внешнего долга за счет отправки всей румынской продукции на экспорт. Уровень жизни населения снизился. Хотя до начала 80-х в Румынию из СССР ездили за шмотками как на Запад, куда попадали немногие. Частично румыны решали дефицит промтоваров за счет практически официально не преследуемой контрабанды. Везли все, в том числе из СССР – холодильники, телевизоры, другую технику. А из Европы – подержанные «Мерседесы», которые эксплуатировали еще лет двадцать.

Глава 2

Озеро Снагов, расположенное в тридцати километрах от Бухареста, всегда было излюбленным местом для богатых дачников. В годы Второй мировой войны в нескольких строениях размещался дом отдыха для немецких летчиков.

Румыния была союзником гитлеровской Германии. После победы СССР несколько десятков объектов недвижимости были переданы Советскому Союзу в качестве репараций. Позднее «щедрый» Хрущев вернул румынскому правительству большое количество недвижимости не только на озере Снагов, но и по всей Румынии.

С приходом к власти Чаушеску была проведена зачистка мелкой недвижимости на берегах озера и построена шикарная загородная резиденция лидера румынских коммунистов. А на противоположном берегу озера, где во время войны был дом отдыха пилотов Люфтваффе, располагалась дача посольства СССР, включавшая несколько построек.

В тот весенний день начала семидесятых годов прошлого века, когда первые лучи солнца коснулись глади воды, как бы желая всему живому проснуться, после зимней спячки возрождалась новая жизнь одного из трехэтажных зданий немногочисленной недвижимости на озере.

Рядом с дачей посольства и находился упомянутый трехэтажный дом. Там и начиналась новая жизнь. Ранее здесь

был сельскохозяйственный техникум, а сейчас... Ни одной вывески, трехметровый забор тщательно скрывал все от постороннего взгляда.

В те весенние дни крепкие ворота особняка открывались и закрывались. Машины с затемненными стеклами въезжали и выезжали по несколько раз в день. В автомобилях были особые пассажиры – дети от пяти до двенадцати лет. Они провели зиму в одном из карпатских санаториев закрытого типа, пока шла реконструкция особняка на озере Снагов. Их было немало, около ста. Это были сироты, разными путями попавшие в Румынию по заданию Чаушеску. Агенты секретности подбирали и даже покупали их в разных арабских странах. В том числе и в Палестине, благодаря дружеским отношениям Чаушеску с палестинским лидером Арафатом.

В особняке на озере были созданы все условия для обучения ребят румынскому и английскому языкам, а также восточным единоборствам, огневой подготовке и общеобразовательным предметам. Только узкий круг лиц знал, что Чаушеску решил создать фанатично ему преданную роту спецназа. Этих бойцов, по образу и подобию «янычар» при турецких султанах, можно было бы использовать для спецопераций как внутри страны, так и за рубежом. По окончании условной десятилетки каждому присваивалось офицерское звание, хороший оклад. И они расселялись по трое или пятеро в различных кварталах Бухареста на конспиративных квартирах и в особняках. В тайниках их жилищ хранилось

оружие, по несколько паспортов как румынских, так и на данные иностранных граждан. Оперативная и военная подготовка «янычар» проводилась всю рабочую неделю на разных закрытых объектах. Главное место в их подготовке отводилось идеологической работе. Чаушеску для всех был коллективным отцом, их воспитывали в преданности ему и формировали фанатичную любовь к «Папе». Чаушеску частенько навещал своих ребят.

Март в Москве – невеселое время: днем оттепели, ночью мороз. После праздника 8 Марта – его героини женщины, и примкнувшие к ним мужчины, в аромате мимоз уже ощущают весну как бы держа ее в руках словно букет. Но это обманчивое впечатление только усиливает зимнюю депрессию. Кто-то торопится менять шубы на пальто или дубленки на куртки, но опять обманываются. Недаром в народе говорили – «пришел марток, надевай семь порток». Мы уже не говорим о том, что в марте накатываются на Москву разные вирусы и ОРВИ. Жители столицы СССР, мобилизованные к женскому празднику, внезапно расслабляются, и многие заболевают. Не уберется от гриппа и Алексей. Но бюллетень было некогда. И так, по разным причинам, отъезд в командировку задержался на два месяца. Его торопило как непосредственное начальство, так и Федор, как представитель могущественной организации.

Киевский вокзал бурлил как муравейник. Помпезное архитектурное сооружение в стиле неоклассицизма, построен-

ное в 1912 году, при участии инженера Шухова, не было рассчитано на такой пассажирский поток, достигший пика в конце восьмидесятых годов прошлого столетия. На площади перед вокзалом трафик автотранспорта напоминал улицы Бомбея. Припарковаться было невозможно, таксисты хлебных мест не уступали, а гаишник прятался за колонной. Маленький, и юркий «уазик» сделал три круга, чтобы подъехать к шлагбауму, куда был «въезд – строго запрещен». Короткий разговор с охранником, мелькание рук в карман пальто, из кармана в пальто, шелест банкнот, и крепкое рукопожатие. И шлагбаум впускает уазик к перрону поездов международного следования. Несколько вагонов с табличками Москва – Бухарест уже ждали своих пассажиров. Уазик остановился у вагона номер пять, и, выросшие буквально из-под земли два здоровенных носильщика начали перетаскивать багаж отъезжающего в купе. Двадцать коробок с личными вещами и домашней утварью заняли одно двухместное купе, а во втором – разместился второй секретарь посольства Алексей. Проверив, как все уложили в купе, Алексей вышел на перрон, где находились его семья и несколько друзей. Из уазика вынесли раскладной столик, на котором в момент появились бутылки с напитками и скромная закуска. Прозвучали тосты и пожелания хорошего пути. А старый друг Сания, с комсомольских времен носивший прозвище «стакан», налил уезжающему сто пятьдесят грамм водки, насыпал туда щепотку горького перца и сказал: «Выпей это, а утром бу-

дешь как новенький».

Поезд тронулся, Алексей долго стоял у окна. Войдя в купе, осмотрелся. И было на что посмотреть. Двухместное купе образца 1912 года свидетельствовало, что Россия тогда находилась на подъеме. Интерьер вагона был шикарным – рамы окон и двери делались из красного дерева, стены купе отделывались под дуб или ясень, обивка диванов была необыкновенно живописна и декоративна, начищенные латунные или бронзовые рукоятки и ручки ослепительно сверкали. В это время Россия была главным экспортером зерна, пушнины, редкоземельных металлов и бакинской нефти в Европу. Современные армия и флот. Недаром экономическая мощь нынешней России сравнивается с 1913 годом. Было чем гордиться. Если бы только не слабый царь с психически неуравновешенной царицей.

В 1989 году, когда разворачиваются события этой книги, все гораздо хуже, чем в 1914 году. Беспомощный Горбачев приведший экономику в упадок, а двумя годами позже все еще мощная армия которая, как показала история, не смогла спасти СССР.

Алексей, уезжая из Москвы, своей супер интуицией, предчувствовал, что грянет беда. А сейчас можно было побаловать себя осмотром вагона первого класса и поностальгировать о великой Российской империи. Гардины, скрученные в треугольник на входной двери. Колокольчик для вызо-

ва проводника. Подстаканники и столовые приборы с еле заметными вензелями двора его императорского величества. Словом, все «комильфо». В этом вагоне было всего пять двойных купе. Но в итоге десять. Двойных, в том смысле, что, между двумя купе был душ и умывальник, а также туалет. Все в купе отдавало стариной и былым величием. Две нижние мягкие полки, гобеленовые шторы, настольная лампа с абажуром. А в соседнем купе ехали двадцать коробок багажа из-под американских сигарет и водки завода «Кристалл».

Второй секретарь советского посольства в те годы не мог позволить себе доставить в страну назначения багаж машинами «Совтрансавто». Зарплата не позволяла.

Ночь прошла беспокойно. Жарко натопленный вагон, все-таки поезд вез дипломата. Водка с перцем сделали свое дело. Алексей потел как в русской бане, страсть к которой питал уже лет двадцать. Утром проснулся весь мокрый. Попросил заменить белье, пришлось, правда, заплатить сто румынских лей. А после горячего душа почувствовал себя вновь рожденным. Позавтракал домашними запасами, а вот пообедать решил с шиком в международном вагоне-ресторане.

После обеда решил выкурить сигарету в тамбуре своего вагона. Не успел прикурить, как в тамбур вошел один мужчина и попросил разрешения составить компанию. Он представился руководителем отделения ССОД (Союз советских обществ дружбы) в Румынии. Назвался Николаем. С ним до-

говорились поужинать в купе Алексея, благо ему жена наготовила много разнообразной снеди. За окном тем временем проносились унылые пролески, поля, покрытые небольшим снежным покровом. Словом, тоскливая мартовская пора, даже на хлебобродной Украине. Поезд подходил к Чопу. Засуетились проводники, для них встреча с таможенной всегда серьезная проверка на хладнокровие. Все что-то везли: продать, обменять, и таможня прекрасно об этом знала. Прошли пограничники, козырнули второму секретарю, и это было приятно. Пожилой таможенник просто пролистал паспорт Алексея и пожелал счастливого пути.

Погранично-таможенные формальности завершились, видимо, благоприятно. Раскрасневшиеся проводницы явно успокоились и начали дружно предлагать чай. Однако, зашедший в купе Алексея Николай предложил начать не с чая. Он сразу объяснил, что возвращается из командировки и запастись харчами не успел. Зато, и он многозначительно подмигнул, есть неотъемлемое приложение к домашней закуске. Беседа больше напоминала монолог Николая. Последние лет двадцать он работал в секторе ССОДа по Румынии, а сейчас находился в третьей командировке в этой стране. Рассказывал о стране увлеченно и с любовью. Алексей сразу понял, что его попутчик может стать для него не только полезной связью, но и близким приятелем. До чая, конечно, не дошло, но вторая бутылка Посольской была почти пуста. Когда Николая потянуло на исполнение румынских песен, Алек-

сей предложил идти спать, чтобы завтра утром не выглядеть утомленными дорогой.

Лучший в Бухаресте железнодорожный вокзал с громким названием «Гара де Норд», название скопировано с одноименного парижского вокзала, был тих и неприветлив. По сравнению с помпезным Киевским он больше походил на вокзал где-нибудь в Рязани, или что-то в этом роде. Скромно одетая публика суежилась на перронах в ожидании местных поездов и электричек. Вагоны румынского железнодорожного парка были местного производства и смотрелись угловато. Маневровые локомотивы издавали страшный скрип и скрежет. Слышались гудки паровозов, которые румыны еще использовали в пассажирских перевозках. Большинство паровозов было вывезено из Одессы, в которой «румынцы» во время Второй мировой войны хозяйничали целых три года. Эти паровозы и одесские трамваи в силу своей изношенности СССР не рассматривал даже в списке репараций.

Мороз около минуса пяти был аномальным для этого времени года. Серое небо, мерзкая погода, неопределенность с жильем еще раз убедили Алексея, что выезд без семьи стал правильным решением. Надо устроиться, во всем разобраться, а потом вызывать семью.

Глава 3

Апрель 1989 года выдался очень теплым почти по всей Венгрии, и это была награда за холодный март не только в Венгрии, но и во всех соседних странах. Особенно этому радовались туристы, расположившиеся лагерем в сосновом лесу на берегу небольшой речки, зарождавшейся в десяти километра на невысоких сопках и постепенно набиравшей силу и характер при приближении к Дунаю. Перед въездом в лагерь на столбе была приколотта табличка “Курсы венгерского языка”. Количество слушателей составляло не более двадцати, в основном молодые парни в возрасте от двадцати до тридцати лет и две девушки, с такими же короткими стрижками и такой же полувоенной униформе, что больше напоминали ребят. В перерывах между занятиями они старались говорить по-венгерски, но иногда кто-то переходил на – румынский. Однако преподаватели, мужчины в возрасте, тут же реагировали услышав румынский язык. Обычным наказанием был штраф в форинтах, довольно существенный.

Однажды в лагерь приехал большой джип, и вышедший из него небольшого роста крепыш сразу приступил к делу. Раздал всем кимоно и нунчаки. Оказалось, что слушатели курсов венгерского языка уже прилично владеют приемами карате, а нунчаки видят тоже не в первый раз. Тем не менее целую неделю между занятием языком они отрабатыва-

ли навыки боя с нунчаками. Инструктор был явно профессионалом высокого класса, а по-венгерски говорил с акцентом, характерное произношение буквы «р» указывало на его североамериканские корни. Зачет по владению нунчаками все выполнили на «хорошо» и «отлично». И снова слушатели глубоко погрузились в венгерский язык.

После отъезда инструктора по карате приехал какой-то инспектор, видимо из министерства образования, и устроил экзамен по венгерскому языку. Он остался доволен подготовкой слушателей курсов и сказал, что программу помощи венграм, проживающим в соседних странах, надо продолжать.

Через день микроавтобус привез еще пять молодых мужчин, и программа курсов резко изменилась. О чем говорили внутри штабной палатки невозможно было понять, так как там громко играла музыка. Но в отдельных паузах угадывались громкие команды, почти по-военному, но почему-то на румынском языке. За ужином объявили, что завтра все выезжают на охоту в соседнее охотничье хозяйство, что было встречено бурными овациями. Поздним вечером в два микроавтобуса загружали зачехленное оружие, но с оптическими прицелами. Длина некоторых чехлов явно превышала простое охотничье ружье. А в одной из картонных коробок почему-то находились мишени с наклейками из животных.

Глава 4

К концу марта Бухарест похорошел, кусты и деревья одевались в зеленые листья, аромат от цветения наполнял легкие будораживающим кислородом, настроение неумолимо шло вверх. Улицы очистились от последствий зимы, шла подготовка к запуску многочисленных фонтанов.

Город тем не менее производил двойное впечатление. Монументальные здания и дворцы старого города фрагментами напоминали улочки Парижа или Петербурга. До Первой мировой войны к Бухаресту прикрепилось название «маленького или балканского Парижа». Здание Центробанка или Мэрии и другие, сравнимые с парижским барокко, создавались только румынскими архитекторами, что само о себе говорит о таланте нации. Но за границами старого города открывалось другое лицо столицы. Чаушеску в попытке быстро решить жилищную проблему окружил старый город серыми невзрачными жилыми домами блочного типа. Несмотря на некрасивость, квартиры в них были достаточно комфортны. Например, трехкомнатные строились с двумя туалетами и тремя балконами. Такого в СССР не было. А румынская мебель была дефицитом даже в Москве.

Чаушеску, человек наполеоновского роста, был крайне честолюбив и очень хотел войти в историю на века. Чего стоит его проект «Проспектул социализмулуй» – проспект со-

циализма. Его начали строить в 1984 году, а к 1990 он внешне был готов, шла отделка. От Пьца Унирий был построен бульвар, как копия Елисейских полей в Париже, той же длины, около двух километров, но на шесть метров шире. С одной стороны проспекта были возведены административные здания для министерств и других ведомств, а с другой – комфортабельные жилые дома для госчиновников и их семей с ресторанами и столовыми на первых этажах. То есть место работы и отдыха на одном проспекте. Проспект представлял собой красивейший бульвар с деревьями и зелеными насаждениями, многочисленными фонтанами на всем его протяжении и завершался грандиозным зданием Парламента, длиной 270 метров, шириной-240, высотой 86. Причем, на девяносто метров под землю уходило еще десять этажей, включая бункеры для высших руководителей страны. Вес всего комплекса пять млн. тонн. Отделка «Дворца Чаушеску» – исключительно из мрамора, а многочисленные люстры из горного хрусталя. После американского Пентагона румынский парламент – второе по величине административное здание в мире.

Чаушеску характеризовался не только большим честолюбием, но и крайней мнительностью. В книге генерала Пачепы говорится, что лидеру Румынии везде мерещились призраки, то ли КГБ, то ли Дракулы. Он, как бы жил в средневековье, боясь быть отравленным или зараженным каким-либо смертельным вирусом. Он считал, что его предшественника

Геоργия Дежу умерщвило КГБ по приказу Хрущева. Георге Георгиу Деж был единственным социалистическим лидером раскритиковавшим антисталинский доклад Хрущева на XX съезде КПСС. Каждый день Чаушеску надевал новое нижнее белье, рубашку, галстук и костюм. Ему шили 365 комплектов на год. После редких рукопожатий, которые он всячески избегал, начальник охраны подносил ему салфетку, смоченную в спирте. В ходе визитов за рубеж его всегда сопровождали свои повара и запас продуктов.

Все это живо всплывало в памяти, когда Алексей в свободное время прогуливался по улочкам Бухареста. К столице Румынии реально было применить характеристику «город контрастов»: шикарные лимузины «власть придержащих» и неказистые плоды местного автопрома: «Дачии» и «Олтситы», бедно одетый народ и пустые витрины некогда шикарных магазинов. В 70-е годы прошлого века выезд из СССР в Румынию в турпоездку, в основном с целью шопинга, считался подарком судьбы. Активно процветал бартер: меняли черную и красную икру на румынские вещи, посуду, ручной работы фарфоровые изделия.

На новом месте работы Алексей адаптировался быстро, даже сам не ожидал. Его определили во внешнеполитическую группу, и он активно стал устанавливать рабочие контакты в дипломатическом корпусе. В западных посольствах румынским языком владели немногие, а в посольствах латиноамериканских стран привлекались на работу местные пе-

реводчики. В советском посольстве все дипломаты в основном владели румынским, а другими иностранными языками – единицы. Алексей, свободно говоривший на английском и испанском, стал заметной фигурой в дипломатическом корпусе. Посол часто привлекал его в качестве переводчика в ходе своих бесед с коллегами из других стран и на различных протокольных мероприятиях.

Прибыла супруга с детьми и стала активно обживать квартиру в одном из домов для дипкорпуса. Дети с удовольствием начали ходить в школу при посольстве, а жена была принята на работу в качестве учителя истории. Словом, жизнь наладилась, все пошло своим чередом.

Внутриполитическая обстановка в Румынии казалась спокойной. Газеты писали об успехах в экономике, культурной и спортивной жизни страны. Особенно подчеркивались успехи генсека Чаушеску на международной арене, в частности в Движении неприсоединения. Румыния пыталась играть важную роль на Ближнем Востоке, активно поддерживая палестинцев. Частым гостем Бухареста был Ясир Арафат – лидер Организации освобождения Палестины. Чаушеску не был бы Чаушеску, если бы не контролировал все шаги Арафата в Бухаресте. Так, на правительственной вилле, оборудованной оперативной техникой, задокументировали выпивки Арафата в узком кругу своих приближенных. Причем, дорогие виски наливались в чашки из заварочного чайника, чтобы не вызвать гнев Аллаха. Обычно, после обильного ужина вы-

сокий гость уединялся в спальню со своим охранником. Об этом в 70-х годах написал в своей книге румынский предатель, бывший начальник разведки, генерал Пачепа.

В отношениях Москвы и Бухареста чувствовалось нарастание напряженности. Если при Брежневем Кремль привык к «выкрутасам» Чаушеску, то при Горбачеве наметился сдвиг в худшую сторону. Горбачева, видимо из зависти, нервировало, что румыны решили жилищную проблему, построив для каждой семьи отдельную квартиру. В то время, как в СССР, люди жили еще в бараках и коммуналках. До Горбачева никак не доходило, как Чаушеску рассчитался с внешним долгом западным банкам. А в СССР с приходом Михаил Сергеевича, долг вырос на 60 миллиардов долларов. Кроме того, Румыния, импортировавшая из СССР пятнадцать миллионов тонн нефти в год, построила под эти объемы пять нефтеперерабатывающих заводов и экспортировала на Запад высокооктановый бензин и масла высокого качества, получая от дешевой нефти высокие доходы. В СССР таких НПЗ не было вообще. Говорят, что при упоминании фамилии Чаушеску, Горбачев впадал в ярость. По инициативе американцев Яковлев, ближайший соратник Горбачева по развалу СССР, СЭВ и Варшавского договора, вступил с ними в тайные переговоры по «проблеме» Чаушеску.

Параллельно Горбачев и Яковлев разрабатывали план отстранения от должности Тодора Живкова, генсека Болгарской компартии. Живков всегда был преданным другом

СССР и не мог стоять в одном ряду с Чаушеску, пытавшемуся угодить Западу, и получать от СССР нефть и газ по социалистическим ценам. Живкову же Горбачев припомнил свои отпуска на болгарских курортах в то время, когда он был Первым секретарем Ставропольского обкома. Тогда чета Горбачевых рассчитывала на более высокий прием, чем был их статус. Особое недовольство, говорили, выражала супруга, они чувствовали себя «обиженными». Придя к власти Горбачев, накрученный своей с гипертрофированным апломбом женой, решил судьбу Живкова. Болгария, не Румыния, здесь все было проще. Яковлев разработал сценарий ноябрьского 1989 года пленума ЦК Болгарской компартии, добился согласия ключевых секретарей ЦК для решения вопроса об отставке Живкова от должности.

В Румынии же, летом 1989 года, тоже готовились к крупному мероприятию-очередному съезду Румынской компартии. Горбачев никак не мог вмешаться в румынские дела, и это его просто бесило. По информации советского посла Тяжелникова, позиции Николае и Елены Чаушеску, второго лица в стране, настолько сильны, что никто не осмелится выступить против их руководящей линии. Румынская контрразведка-секуритате контролировала практически все и всех. Каждый пятый румын был осведомителем. В Бухаресте практически каждый жилой дом прослушивался. Все высшие партийные и государственные чиновники контролировались наружным наблюдением и техническими средства-

ми. Секуритате курировала Елена Чаушеску и была очень изобретательна в этом ремесле. Тотальный контроль, отсутствие свободомыслия у румын и их генетическая склонность не прекословить господарю. В такой ситуации ни посол, ни другие службы не могли представить Горбачеву какие-то планы по имплантации в Румынию политики перестройки.

Тем временем в стране началась масштабная пропагандистская кампания по подготовке к съезду Румынской компартии. Она полностью напоминала советскую модель мобилизации народных масс. Лозунги, типа «Народ и партия едины» или «Чаушеску-наш рулевой», заполняли и газеты, и телевидение, и на улицах, словом, везде. Но, по сравнению с СССР, эта пропаганда велась жестче, более авторитарно, и смахивала больше на северокорейскую модель. Все указывало на железобетонную стабильность и незыблемость социализма в Румынии. Беседы с местной элитой и простыми гражданами не выходили за рамки передовиц партийных изданий. Записи бесед Алексея и его коллег с румынскими контактами были написаны как под копирку.

Тем не менее, контакты с иностранными дипломатами, являвшиеся основной задачей Алексея, носили иной информационный характер. Суть многих бесед с западными коллегами сводилась к тому, что режим Чаушеску себя изжил, в стране нет демократии, население нищает и ждет перемен. По мнению американских коллег, Румыния представляет собой пороховую бочку. Конечно, и Алексей думал о том, что

Румынии нужна перестройка. Но кто ее сделает? Настораживали оценки тех же американцев о том, что трансильванские венгры, численность которых в Румынии составляла около двух миллионов, давно мечтают об автономии, подобно автономным республикам в СССР. А политика перестройки Горбачева дает им дополнительную мотивацию. Короче говоря, дипломаты стран НАТО почему-то предрекали скорый социальный взрыв в стране. Но в посольстве СССР в это никто не верил.

Глава 5

Ранее июньское утро сохраняло еще запахи свежести и аромат цветов, особенно, роскошных роз и раскидистых южных деревьев. Косые солнечные лучи скользили по росе и кустарнику, пробуждая насекомых и бабочек. Маленький стадион с одной трибуной в четыре ряда был еще пуст. Алексей припарковал служебную семерку за рекламным щитом с призывом «к здоровому образу жизни», который, к счастью, не висел на столбе, а стоял на земле. Поэтому автомобиль с дипломатическим номером практически не просматривался. Алексей рано, в предрассветные часы выехал из дома в поисках места для пробежки, проехал и просмотрел один парк и стадион для регби, но они ему как бы не подошли. Поэтому он оказался на этом беговом манеже. Это место было далеко от жилища Алексея, и умный оппонент разбил бы вдребезги его выбор – побегать там «от инфаркта». Но это в том случае, если бы такой диалог с местным контрагентом состоялся бы. Но что делать, Алексей должен был выполнить поручение Федора и установить контакт с чилийским политэмигрантом. Меж собой они звали его «Сальвадор», по имени великого Альенде. «Сальвадор» жил в доме напротив трибуны стадиона, и с верхнего ряда подъезд его дома хорошо просматривался. Для того, чтобы легендировано наблюдать за подъездом чилийца, Алексей должен был делать за-

рядку на трибуне с маленькими гантелями, находившимися в заплечном рюкзаке, там же в боковом кармане лежал бинокль, подобие театрального. Его можно было держать в одной руке вместе с гантелью, и в случае необходимости просматривать выходящих из подъезда. Периодически Алексей пробегал пару кругов и вновь забирался на трибуну. Сегодня был пятый приезд на перехват чилийца, предыдущие окончились ничем. Это вызывало беспокойство и усиливало вероятность прокола.

Сделав два круга вокруг футбольного поля, Алексей вбежал на трибуну и начал упражнения с гантелями. К нему подбежал мальчишка лет десяти и сказал, что тоже хочет позаниматься с тяжестями. От неожиданности вопроса Алексей выронил бинокль, который упал на скамейку, а парень с удивлением уставился на Алексея. Это – утяжелитель гантелей, – пробубнил последний и спешно сунул парню гантели. Подобрал бинокль и сунув его в рюкзак, Алексей посмотрел в сторону подъезда, и, наконец, увидел, что из него выходит мужчина, похожий на чилийца. Мальчишке сказал, что гантели – ему в подарок, и побежал якобы заниматься бегом трусцой.

Выбежав с территории стадиона, он почти столкнулся с чилийцем лицо к лицу. Это, точно, был он.

– Привет, амиго, по-испански сказал Алексей. Хочу передать тебе привет от Виктории из Лимы. Это были ключевые слова, которые сразу понял «Сальвадор».

– Рад тебя видеть, мой «инти», моментально произнес ключевое слово тот. Сказалась многолетняя практика подпольщика. Только посвященный мог знать, что «инти» на языке кечуа означает солнце. Здесь солнце тоже жаркое, завершил фразу «Сальвадор».

На этом сценарий опознания «свой – чужой» закончился. И Алексей передал ему листок с инструкциями на испанском языке, о месте и дате следующей встречи. В тексте также был вопрос о перспективах внутривластной ситуации в Румынии.

Продолжив бег по аллее небольшого сквера Алексей остановился, чтобы якобы завязать шнурок на кроссовке, и увидел как чилиец закуривает сигарету и параллельно сжигает полученный листок с инструкциями. Да, это опыт, и Алексей еще раз оценил навыки конспирации «Сальвадора». Всего их контакт длился не более пяти секунд у закрытого в это время пивного бара, который скрыл их общение от любопытных глаз.

Глава 6

Через два дня Алексей в целях поддержания легенды ранних выездов на джоггинг отправился на поиски новых мест. Утро располагало не только на то, чтобы побегать трусцой, но и понаслаждаться природой парка «Хэрэстрэу». Многочисленные ухоженные дорожки, большое количество розариев, наполнявших воздух ароматом розового масла, и голубая синева двух озер, в любое время суток делали это место притягательным для публики. Но ранним утром там собирались немногочисленные бегуны. В те годы в Румынии джоггинг большой популярностью не пользовался. Алексей сделал пробежку километра на три, не только подкрепив легенду, но и для здоровья. Затем сел в «семерку» и поехал домой.

После завтрака и других процедур вышел из дома на оживленную улицу, на которой громче всех грохотали допотопные трамваи, вывезенные румынами в годы второй мировой войны из Одессы. Трамвай еще не просматривался на горизонте, а грохот колес уже извещал о его приближении. Звуки этой какофонии не позволили сразу понять, что его кто-то окликает, напрягая голосовые связки до хрипоты. Оказалось, что это Николай из ССОДа кричит и машет ему руками. Это было в его стиле так отчаянно жестикулировать, выдавая характер типичного холерика.

– Алексей, что с твоей машиной приключилось? – сразу, без вступления, спросил он.

– А что не так, только недавно ее здесь припарковал.

– Ну, ты посмотри внимательно, а потом решишь, что не так, а мне стакан чаю нальешь за то, что я ее охраняю, – с искренней улыбкой сказал Николай.

Действительно, «разув глаза», как говорит жена, он увидел, что заднее левое колесо спущено, а задняя правая форточка разбита, причем все осколки лежали на заднем сиденье. Алексей озадачено пожал плечами и развел руками.

– Только полчаса назад оставил машину на этом месте, ездил в парк на пробежку.

Николай с видом Шерлока Холмса задумался и сказал:

– Мой метод дедукции выдвигает только одну версию с учетом того, что это произошло не ночью, а утром, в светлое время. Ну, об этом я тебе расскажу за кофе в автосервисе, где ремонтируют только советские Жигули. А сейчас сходи домой и позвони в посольство и объясни без трагедий причину невыхода к «первому звонку», – скаламбурил Николай, произнеся все это императивным тоном, опять в стиле Шерлока.

В автосервисе действительно оказалось небольшое кафе на два столика, и пока шел ремонт семерки, коллеги устроились там.

– Ну что, Леша, если ты не против такой фамильярности, я предлагаю заказать кофе и по порции «Скандырбека» –

этот албанский коньяк был в то время очень популярен в Румынии. Разговор предстоит серьезный, – и Николай с загадочным видом затянулся сигаретой «Ява».

Алексей уже немного изучивший его в поезде и на двух-трех коктейлях в Бухаресте, сделал вывод, что Николай любит быть в центре внимания и покрасоваться. Эта черта ни в коем случае не отталкивала от «ссодовца», а наоборот, даже интриговала и притягивала. Он, конечно, в румынских вопросах был очень сведущ.

– Значит, если ты не против, Леша, и Николай пригубил коньяк, опустошив наполовину бокал, так и буду к тебе обращаться, естественно, когда мы наедине.

Снова крепкая затяжка и глоток кофе. Николай прикрыл глаза, как бы прокручивая и цензурируя каждую фразу, которую собирался сказать. Открыв глаза, с прищуром посмотрел на Алексея и опустошил свою порцию бренди. Алексей терпеливо ждал. Николай хотел было что-то сказать, но его перебил автослесарь, быстро выпаливший что-то по-румынски. Алексей еще не научился понимать такую быструю речь, ухватив только конец фразы – «двести лей». Николай что-то ответил и одновременно крикнул бармену повторить обоим по порции бренди. «Скандырбек» оказался на столе моментально, и Николай, сделав глоток, сказал, что в счет за ремонт машины включены напитки.

– Да, кстати, хозяин автосервиса сказал, что с тебя за все про все 200 лей, но форточка будет пластиковая. Николай

посмотрел по сторонам, и, глазами указывая на слесаря, прошептал, что ему что-то не нравится этот «гусь». Поговорим в парке, там надежнее, наши квартиры тоже не подходят. «Враг хитер и коварен», закончил он фразой из популярного фильма.

Парк Чишмиджиу, что в центре Бухареста, является визитной карточкой столицы Румынии. Он был основан в 1799 году, когда Валахия (нынешняя Румыния) находилась под властью Оттоманской империи. «Чишму», с турецкого, означает «колодец», а «чишмиджи» – «хранитель колодца». В те времена на этом месте были вырыты два колодца, чтобы образовать пруд для парка. С конца девятнадцатого века это место стало популярным для встреч поэтов, художников, театралов, влюбленных и тихих диссидентов. В те годы прогулка двух мужчин или их камерный разговор на лавочке под ветвистой ивой, не вызывали вопросов об их отношении к традиционным ценностям.

Николай как заядлый завсегдатай этого чудесного парка уверенно направился в дальний конец Чишмиджиу. Там высокие кусты роз не только скрывали от посторонних глаз несколько уединенных лавочек, но, видимо, и гасили все издаваемые звуки и слова беседующих пар.

Как только устроились на скамейке, Алексей понял и другой смысл такой конспирации, когда из пакета Николай достал бутылку Скандербека и шоколад.

– Алексей, божий человек, я думаю, это не помешает

серьезному разговору, и он протянул разовый стаканчик с бренди. Кроме того, это легендирует наше уединение.

Выпили, закусили, и Николай стал озвучивать свою версию. По его мнению, ущерб, нанесенный семерке Алексея, не акт хулиганства и не случайность. Он напомнил, что работает в Румынии в третьей командировке и успел хорошо изучить «потомков Дракулы», так он называл сотрудников секуритате. И это не призраки, а реальные люди, которых курирует лично, и тут он понизил голос до шепота. Их курирует «она», и он показал пальцем вверх. «Она», то есть «Хозяйка», лично планирует важные контрразведывательные операции. Так румынское наружное наблюдение в равной степени работает как за посольством США, так и СССР. «Хвосты» выставляются выборочно, без какой-либо системы.

По словам Николая, Алексей этого не знал и не мог знать, поэтому пробежки бегом трусцой и вышли боком. Сегодня утром, когда «наружка» должна была вести Алексея, «они» прибыли к дому, а его машины не обнаружили. Для «них» это большой прокол. В такую рань все дипломаты еще спят, а тот, кто уехал рано на машине вызывает вопросы: зачем и кто он. Вот они и сделали первое предупреждение. Обычно две-три таких «черных метки», а потом могут и морду набить. Тем более хулиганов-цыган здесь хватает.

– Так как же мне заниматься бегом, резонно спросил Алексей.

– Так бегай рядом с домом, у тебя Херестреу под боком,

или вокруг квартала, и Николай многозначительно улыбнулся. Просто, если попадешь в черный список «призраков Дракулы», спокойной жизни тебе не дадут.

Алексей поначалу удивился такой информированности Николая, а потом, когда тот и дальше стал развивать тему «секуритате», понял, что многие факты ему знакомы. То есть, Николай тоже читал книгу румынского предателя генерала Пачепы. В Румынии книга была под запретом, значит он ее купил в Нью-Йорке, куда ездил в короткую командировку, перед отъездом в Румынию.

Глава 7

Перед первой встречей с «Сальвадором» Алексей очень волновался, особенно после рассказов Николая о том, как работает местная контрразведка. Опасался он, конечно, за чилийца, за его безопасность. Поэтому гуляя с семьей в воскресенье в парке Херестреу, он спланировал маршрут для пробежки, который назвал «петлями зайца». Это была неправильная восьмерка, когда сначала он мог бежать в одну сторону, потом разворот на сто восемьдесят градусов и т. д. Словом, обеспечивался тотальный контроль. Встреча с «Сальвадором» намечалась на полвосьмого утра, в понедельник. Алексей естественно прикрывался бегом трусцой.

Ночь с воскресенье на понедельник прошла беспокойно. Несколько раз просыпался, ворочался в кровати. Жена забеспокоилась, не заболел ли он. В снах мерещились какие-то тени, преследовавшие его, а под утро, в самом ярком и запомнившимся сне, цыганка нагадала ему дорогу в «казенный дом». Но, в итоге успокоила жена, посмотрев сонник, объяснила, что то, что снится во сне, никогда не сбывается наяву.

Короче, с больной головой Алексей надел спортивные трусы и майку фирмы «Адидаш» (местная реплика известного бренда), купленные еще в Южной Америке на контрабандном рынке. Затем выглянул в окно и убедился, что слу-

жебная семерка с дипломатическим номером стоит на самом видном месте. Не увидеть ее мог только слепой, но таких, по словам Николая, в секуритате не набирали.

Вышел во двор и сделал легкую разминку, всем своим видом показывая, вот тут я, и ни от кого не прячусь. Неспеша перешел улицу «Интый Май» и легким бегом взял курс на Херестреу. Ночью прошел дождь, и воздух был насыщен озоном, дышалось легко, как под лампой Чижевского. Бежал с легкостью и непринужденно. Оказавшись в парке, вышел на трассу петли зайца. Несколько поворотов и разворотов убедили в том, что он чист. До встречи оставалось пять минут. Напоследок Алексей осуществил коронный прием, подсмотренный в фильме «Французский след» – присел на корточки, якобы завязывая шнурок, и просканировал все на 360 градусов. «Все чисто», вспомнил он фразу из какого-то американского боевика. Место встречи было назначено у неработающего шлюза. «Сальвадора» пока не было видно. За пятьдесят метров до места Алексей, по своей придуманной легенде, должен был зайти в кусты, будто бы по «техническим причинам». Ворвавшись, как ветер, в кустарник, он сначала почувствовал под кроссовками что-то мягкое и светлое, а потом только услышал вскрик. Завизжала девчонка, а парень уже натягивал шорты. Алексей не стал извиняться, а наоборот, стальным голосом прокричал – «Полиция нравов» – тоже слышанное в каком-то американском фильме. Парочка подростков уносилась из кустов, в кровь расцарапывая себе

руки и ноги о колючки шиповника. Все произошло буквально в десять секунд. До «Шлюза», расположенного за поворотом, оставалось метров тридцать. Ну, теперь уже «полная чистота», переводя дух, сказал себе Алексей.

На встрече «Сальвадор» сразу обозначил, что никаких бесед, только обмен документами. Он передал Алексею небольшой конверт, а последний вручил ему пакет, якобы от Виктории, полученный с последней диппочтой от Федора. Сложилось впечатление, что в пакете были и деньги. Но это не мой вопрос, мелькнуло у Алексея. Затем чилиец показал едва приметную трещину в бетонном основании шлюза и сказал, что будет передавать информацию в смятой сигаретной пачке «Атенеу», втиснутой в трещину. Закладку будет делать в воскресенье вечером, поэтому Алексей каждый понедельник утром должен осуществлять контроль. Маскировку под бег он одобрил, сказав, что это наилучшая легенда. На этом разошлись в разные стороны. Причем «Сальвадор» в считанные секунды, как испарился. Вот это опыт подпольщика, восхитился Алексей. Надо его навыки брать на вооружение. И он сделал спринтерский рывок в сторону выхода из парка.

Глава 8

Посольство СССР располагалось на очень зеленом и живописном проспекте Шоссяу Киселефф, который был назван в честь русского генерала, освобождавшего Румынию от ига Оттоманской империи. Кроме того, Киселев в 1858 году стал автором первой румынской конституции. По его приказу был заложен, описанный выше, парк Чишмиджиу – жемчужина «Балканского Парижа». Недалеко от посольства на Шоссяу Киселеф в 19 веке возвели Триумфальную арку размерами, совпадающими с той, что находится в Париже. Она символизирует завершение национального освобождения от турецкого гнета. Видимо для паритета, напротив советского посольства находилась резиденция посла Соединенных штатов, а само посольство – в центре Бухареста, в старинном особняке.

Посольство Российской империи было открыто в 1913 году. В 1945–1948 годах здание посольства было реконструировано по проекту архитектора Стрижевского в стиле сталинского ампира.

Оно не было высоким, всего три этажа, не было громоздким, но выглядело величественно и не помпезно. Парадная лестница, колонны, полы зала для приемов были отделаны мрамором. Гигантские люстры из горного хрусталя в этом интерьере производили такой эффект, что входящий чуть

склонял голову, как при входе в храм. Это не было случайно, а задумано архитектором для возвеличивания мощи первого в мире социалистического государства, победившего фашизм.

За территорией посольства находились кварталы двух, трехэтажных каменных особняков, где до 1945 года проживала буржуазия города. После войны все перешло в собственность государства, и там обосновались высшие партийные и государственные чины.

В то же утро понедельника Алексей приехал в посольство одним из первых. Конверт, полученный от «Сальвадора», в квартире жег руки. Казалось, что каждая минута пребывания дома чревата проколом или провалом всего тщательно спланированного мероприятия. За завтраком жена поглядывала на Алексея с немим вопросом, что случилось. Дети, особенно старший сын, подшучивали, видя, как у отца все буквально валится из рук. Да, далеко мне еще до подпольщика, думал он. И только в просторном кабинете, на первом этаже посольства, он почувствовал себя уверенно. Алексей рассчитывал, что десять-пятнадцать минут в кабинете он будет один, и сможет изучить полученную информацию. Но не тут-то было. Коллеги стали прибывать один за другим. Пока пожимали руки и задавали традиционные вопросы: как дела, как прошел уикэнд и т. д. Алексею не удавалось сосредоточиться. Один из них, Женя-хохмач, стал острить на тему, что Алексей читает не газету, а теребит в руках какое-то пись-

мо. Видимо, от той, которую не знает его жена, сострил он, и все заржали. Но смех прервал телефонный звонок – посол созывал неплановое совещание. Алексей вспомнил сон с цыганкой, а по пути в кабинет посла ему мерещились какие-то призраки, прячущиеся за колонами и улетающие в большой камин.

На совещании посол призвал всех повысить трудовую дисциплину и бдительность, в связи с активной подготовкой Румынии к съезду партии. Он сослался на встречу с министром МВД, который сказал, что некоторые сотрудники посольства иногда в городе ведут себя так, что «возникают вопросы». В то время, как все румынские спецслужбы мобилизованы на выявление террористических угроз. Алексею показалось, что он покраснел. Но посол при этом смотрел на двух третьих секретарей, и те, под его взглядом, заерзали на стульях. Значит, не про меня, успокоился Алексей.

После совещания все разошлись кто куда, и Алексей, наконец-то, остался один в кабинете. С нескрываемым интересом открыл конверт «Сальвадора». Сначала он написал график контроля места Шлюз, а потом, собственно, изложил информацию по поставленному вопросу. Он писал, что сейчас в Румынии нельзя верить ни газетам, ни ТВ, ни связям, которым разрешено общаться с иностранными дипломатами. Нельзя верить успехам страны в экономике, которые подтасовывают к съезду. Положение народа очень тяжелое, люди недовольны всем, но боятся протестовать. В данный

момент страна, как пороховая бочка, если кто-то поднесет спичку, произойдет большой взрыв. Скорее всего события начнутся в самом венгерском городе Темишоара. Более конкретно будет изложено в очередном письме.

Алексей долго размышлял о прочитанном. Нового для него ничего не было. Такие же оценки он слышал от западных дипломатов. И что делать с этой информацией он не знал.

На следующий день из городского телефона – автомата он позвонил на домашний телефон Федора и в двух словах рассказал о своей жизни в Румынии. Спросил, также, как поживает их общий знакомый Илья Петрович. Это означало, что Федор по служебным каналам должен связаться с ним. И действительно, на следующий день посольский оператор телефонной станции пригласил его к телефону. ВЧ – зашифрованная связь с Москвой была в каждом посольстве СССР в социалистических странах.

На проводе был Федор, как ответственный сотрудник Старой площади он имел доступ к «вертушке». Алексей подробно доложил об установлении связи с Сальвадором и о его первой информации. Федор воспринял все спокойно и высказал уверенность, что чилиец еще себя проявит, особенно теперь, когда мы его сориентировали в том, что нас интересует. Короче, надо продолжать с ним работу, так как он единственный контакт в Румынии, который не подконтролен секретности.

Жизнь и работа шли своим чередом. После напряженных

пяти месяцев адаптации в стране захотелось какой-то смены впечатлений. И Алексей решил с семьей совершить туристическую поездку в город Синая, расположенный в шестидесяти километрах от Брашова. Ему рассказывали, что осенью, а был сентябрь, там необыкновенно красиво. Карпаты, двухкилометровой высоты горы, деревья с разноцветьем листьев, как бы нависали над этим древним поселением.

Городок Синая возник задолго до появления там замка Пелеш, основанного в 1873 году королем Румынии Карлом Первым в стиле неоренессанса, как летняя резиденция в горах. Это был первый в мире электрофицированный замок, так как на его территории была построена небольшая электростанция на реке Пелеш. Вот для осмотра этого замка и поехал туда Алексей с семьей.

Стартовав с Шоссая Киселефф служебная семерка бодро взяла курс на город Брашов, чтобы потом свернуть на Синаю. Когда покинули столицу, где был более-менее приличный асфальт, качество дороги резко изменилось. Двухрядка изобиловала трещинами и колдобинами разной степени опасности. Рулить было непросто. Чуть-что с колесом, а вулканизатора и не сыщешь. Жена постоянно просила снизить скорость, а дети, наоборот, обвиняли Алексея в том, что он едет, как «черепаша Тортила». Песни Юрия Антонова, звучащие из магнитолы, несколько скрашивали непростую атмосферу, царившую в салоне. Жена пыталась снимать на видео, но неровности дороги почти что выбивали камеру из

рук. Да и снимать, по большому счету, было нечего. Унылые деревушки чем-то похожие на украинские села, поля и огороды, небольшие перелески. Короче, никакой экзотики. Это вам не Южная Америка. Единственное благо, что машин было мало. С бензином для населения были проблемы, он строго лимитировался. Но голь на выдумки хитра. Многие румыны переделывали свои «Дачии» и «Олтситы» на газ. Газовых заправок, конечно, не было. Использовались баллоны, применяемые для плит в частном секторе. Словом, как-то выкручивались.

Наконец, на горизонте появились Карпаты, и туристическая эйфория взметнулась к небесам. И покрытие шоссе резко изменилось, все-таки туристическая зона. Узкие улочки, похожие на средневековые города Италии, неуклонно поднимались вверх, плавно обходя каменные невысокие здания с неизменными черепичными крышами. На вид выглядели богато, ведь когда-то здесь обитало семейство короля. Непохожие друг на друга домики объединяло одно общее – все подоконники, выходящие на улицу, были густо уставлены горшками с разноцветной геранью. Внешне типично баварский городок, вот только пивные не встречались. Горный воздух пьянил своей свежестью и ароматами. Листва деревьев под дуновением ветерка вибрировала всеми красками радуги. На стоянке у дворца Пелеш в свежесть горного воздуха навязчиво ворвался аппетитный запах жареного мяса. Но это были

не шашлыки и не шаурма. В нескольких точках, на роштите, жарили традиционные румынские мититей – это что-то вроде укороченных люля-кебаб, но из двух видов мяса-свинины и говядины.

Дети сразу предъявили ультиматум: сначала мититей, а потом экскурсия. Особенно, старался старший Вася, а его больше из солидарности, поддерживал младший Ленька. Младшему, правда, больше хотелось что-то типа «чупа-чупса». Мититей с кукурузной кашницей мамалыгицей оказались вкусными и сытными. После еды у детей возникла проблема туалета. Не сразу нашли заведение с буквами «М» и «Ж», хорошо, что захватили туалетную бумагу. Но и этот вопрос был решен, открывался путь к новым впечатлениям и познаниям.

Сначала решили подняться на фуникулере к отметке – 2000 метров. От панорамы, открывающейся с такой высоты, захватывало дух и кружилась голова от незабываемых впечатлений. Внизу расстился разноцветный ковер из листьев бука, клена, ясеня и дуба. Складывалось впечатление, что если разбежаться, прыгнуть и зависнуть в воздухе, как пароплан, то потом приземлишься на мягкую цветную перину. В этот яркий ковер, как в мозаике, вкрапились черепичные крыши разной конфигурации. Они смотрелись как россыпь драгоценных камней нефритового и янтарного оттенков. Со смотровой площадки не хотелось уходить, даже дети застыли, как заколдованные волшебником «Изумрудного города».

Пока восторгались панорамой, чуть не опоздали на экскурсию в замок Пелеш. Хорошо, что на местной ратуше раздался бой старинных часов, который так отчетливо был слышан на верхней площадке фуникулера, что даже удалось сосчитать количество ударов. До закрытия замка оставался час. «Руки в ноги», и побежали на посадку в кабинку канатной дороги. В замок успели, но на осмотр оставалось всего полчаса. Больше всего расстроилась Наташа имевшая грандиозные планы по фотосъемке. Эту страсть она не утратила до сих пор, будучи уже на пенсии. Время позволяет.

Внутри замок был отделан по-королевски, много старинной мебели и картин известных и малоизвестных художников. Столовая посуда из серебра, знаменитого мейсенского фарфора и хрусталя. Словом, все как в любом замке или дворце, за небольшим исключением. Это исключение Алексей подсмотрел случайно в кабинете с библиотекой и решил его исследовать в одиночку, как сказал один из героев фильма «Бриллиантовая рука» – «без шума и пыли». Наверное то, что увидел Алексей, присутствует и в других аналогичных объектах, но тщательно скрывается от публики. Этот секрет он видел только в фильмах, типа «Приведения замка Шпесарт». В любом замке есть потайная дверь, из которой обычно по ночам выходят призраки и души умерших. От того, что сейчас или никогда Алексей сможет прикоснуться к такой тайне, у него аж захватило дух и пересохло в горле. Конечно, все произошло неслучайно. Профессиональная наблюда-

тельность, сильно развитое периферическое зрение сыграли важную роль. Главное, чтобы не сорвалось – методом аутогенной тренировки внушал себе он. Но надо было оторваться от семьи. Подойдя к жене, он на ухо ей тихо прошептал: «Жди меня с детьми у входа в замок, мне надо кое с кем переговорить. Наталья, как опытная жена дипломата, все поняла с полуслова. Но весь в отца очень наблюдательный сын Вася что-то заподозрил и не отпуская его руку. Пришлось дать три лея на мороженное, чтобы он отстал. В этот момент Алексей «испарился как пар», услышав уже на лестнице на третий этаж вопрос младшего Ленки: «А где папа?»»

Путь лежал в библиотеку. Может это кого-то наводит на мысль. Но при чем здесь тайны, призраки и привидения? Наконец, он вошел в библиотеку. Ему нужно было всего десять секунд, чтобы осуществить задуманное. Но план оказался под угрозой. Из смежной анфилады приближались шаги, по стукам каблучков, видимо, трех сотрудниц замка, которые, так сказать, «зачищали залы от туристов». Чтобы остаться незамеченным был один вариант – спрятаться за тяжелую пыльную гардину, наполовину прикрывавшую единственное панорамное окно. В два прыжка и он за шторой. Вошли сотрудницы бойко обсуждавшие, что готовить мужьям на ужин и чем заняться после того, когда муж заснет в кресле у телевизора. Алексей стоял не дыша. По его расчетам секунд через десять они перейдут в соседний зал, и можно будет вздохнуть полной грудью. В носу вдруг резко защекотало, и

чих вероятно от пыльной шторы был неудержим. Он прозвучал, как выстрел в тире, заглушая бой курантов на ратуше.

– Моника, ты что, простудилась? – спросила та, у которой муж засыпает в кресле. У тебя же сегодня свидание с бойфрендом, как ты с ним целоваться будешь? И две сотрудницы громко засмеялись.

– Я, я, это – не я, – стала оправдываться та, которую называли Моникой. Я уже переболела гриппом.

– Ну, значит, у тебя проснулись остаточные явления. Я отпускаю тебя домой пораньше. Тебе сегодня надо быть в форме, сказала та, которая, видимо, была начальницей.

Услышав это Моника не стала оправдываться от чиха и побежала к выходу.

Алексей мысленно перекрестился, хотя в то время был еще некрещенный. Дорога к тайне открыта. Приведя штору в ее первоначальное положение он уверенными шагами направился к нужному месту. Оставалось полшага, как замок аж содрогнулся. Он застыл в позе мима с поднятой правой ногой и рукой, ищущей опору. Через мгновение он понял, что где-то недалеко пролетел, набирающий высоту сверхзвуковой СУ-7Б. Отлегло! И вот перед глазами томик старинной библии на румынском языке и невидимая для непосвященного секретная кнопка, закамуфлированная под ручку для раздвижки стеллажа. Нажатие кнопки, и одна секция библиотеки высотой около полутора метров бесшумно открылась внутрь. Поначалу темнота ослепила, но пригодилась

зажигалка всегда находившаяся в кармане. Открывшуюся створку секретного хода лишь прикрыл. Неизвестно, открыт ли выход? Винтовая лестница привела на уровень цоколя, и потайной ход повел куда-то в неизвестность. Приходилось идти согнувшись в три погибели. Пульс зашкаливал, появилась отдышка от нехватки кислорода. Но надо идти уже до цели. К ногам прикасалось что-то мягкое и липкое. Как кошка крутит хвостом по ногам хозяина. Зажег зажигалку, крысы бросились врассыпную. Сколько же так идти? Впереди забрезжил свет, как у плохо пригнанной двери к косяку. Слава богу, выход! Оказалось, что дверца заперта на простой шпингалет. Вышел наружу – теперь слепануло уже от яркого света. Он огляделся, замок был где-то в ста метрах. Речка Пелеш бурно катила свои воды в Дунай.

Когда Алексей подкатил на «семерке» на площадку перед входом в замок, его семья оторопела. Жена тихо проинформировала, что в замке какой – то кипиш, кого-то ищут.

Но, не меня же, вот я здесь.

Васю что-то осенил и фразой из известной кинокомедии спросил: «Как пройти в библиотеку»? Младший удивился внезапным исчезновением и появлением отца, но занят был очередным «чупа-чупсом». Жена до вечера сохраняла хладнокровное молчание, намекнув только на то, что нам еще рано уезжать из загранкомандировки. Алексей с ней согласился, заверив что так делать больше не будет.

Глава 9

Наступил ноябрь. Румыния в преддверие предстоящего съезда компартии, как бы «сжалась в комок». Портреты Николая и Елены Чаушеску встречались на каждом шагу. Их даже можно было увидеть в общественных туалетах. Большинство обычных граждан надеялись, что съезд принесет какие-то положительные сдвиги. Особенно на фоне того, что в 1989 году в Румынии был собран рекордный урожай зерновых, овощей и фруктов. Перед съездом власти чуть сократили экспорт продовольствия, и в магазинах появились продукты, о которых румыны стали забывать. Большинство румын, характеризующихся стадным чувством, привыкли подчиняться господарю. Примерно, как и русский народ. Но меньшинство, самая образованная часть населения страны, не надеялось на чудо и воспринимало предсъездовские поправки как временную меру.

МВД и спецслужбы усиливали контроль, пресекая на корню любые попытки протестов. Активизировалось наблюдение за посольствами СССР и США. Часто оно было демонстративным. Алексей прекратил встречи со всеми румынскими контактами, чтобы «не наводить тень на плетень». Его главной задачей оставалось получение информации от «Сальвадора». Он с нетерпением ждал очередное мероприятие «Шлюз», так как чилиец выехал в Венгрию для встречи

с информированными друзьями.

Он продолжал регулярно бегать трусцой в парке Херестреу, чтобы это внешне выглядело обыденно. За последние две недели, слава Богу, что не по понедельникам, он видел подозрительных бегунов, которых раньше здесь не встречал. «Петли зайца» в двух случаях точно показали, что это был «хвост». В тренировочные дни к «Шлюзу» он не приближался, от греха подальше.

Три понедельника он пробежал впустую. Надежда была на предстоящее мероприятие. Этот день, наконец, наступил. Как обычно Алексей в спортивной форме вышел из дома, сделал разминку и краем глаза почувствовал какую-то суету. Он еще ничего подозрительного не увидел, но суперинтуиция не оставляла его в покое. Начал нарезать круги в парке, тревожное чувство его не покидало. Так и есть, на очередном повороте он увидел бегущего за ним рыжеволосого парня небольшого роста, он попался ему уже дважды. Что делать? Решил пробежать все-таки мимо «Шлюза». Чуть увеличил скорость, чтобы за поворотом оказаться в мертвой зоне. Пот застилал глаза, но он все-таки разглядел едва заметную пачку сигарет «Атенеу» в расщелине. Побежал дальше, чтобы обдумать. Сообщение «Сальвадора» нельзя там оставлять, информация нужна как воздух. Принял решение измотать «хвост» до изнеможения. Сам, конечно, устал, но силой воли заставлял себя бежать. Вдруг рыжий парень исчез, и Алексей было успокоился и решил повторить попытку. Остановился,

чтобы завязать шнурок, и все понял, они пустили другого бегуна. Успел его немного рассмотреть – пивной животик, а мешки под глазами указывали, что он не спортсмен. Смело пошел на второй заход. Периферийным зрением увидел, что этот хвост прилично отстал. Поворот к «Шлюзу», заход в кусты – все чисто. Присев с ходу решил схватить закладку, потянул на себя и быстро спрятал в карман.

В мертвой зоне Алексей находился около десяти секунд. Хвост прибежал туда секунд через двадцать. Алексей понял это потому, что раздался звук падающего тела. Видимо, преследователь споткнулся о выступающий корень плакучей ивы, о который тоже в первую пробежку споткнулся сам, но удержался.

Решив не завтракать Алексей принял душ, переоделся и на час раньше поехал в посольство, так как был дежурным дипломатом. В приемной посла было тихо, и пахло свежестью после влажной уборки. Из раскрытого окна раздавались звонкие трели птиц. Достал смятую пачку сигарет «Атенеу», вытащил из нее скомканный лист бумаги. Пачку из-под сигарет сжег в туалете, а пепел спустил в унитаз. Только начал читать текст, как за окном раздалась милицейская сирена. Выглянул в окно и увидел, как патрульная «Дачия» припарковалась недалеко от машины Алексея, а один из «гаишников» стал внимательно ее рассматривать. Ну сейчас, это сколько угодно, – про себя сказал он.

Снова достал сообщение «Сальвадора». Лист А-4 был

полностью исписан убористым почерком на испанском языке. Прочитал один раз, и как-то стало волнительно. Прочитал еще раз и понял, что срочно нужно звонить в Москву. Посмотрел на часы, в Москве еще девять, а Федор работает с десяти, как и вся «Старая площадь». Решил попробовать и набрал домашний номер. Ответила жена, которую Алексей хорошо знал, и сказала, что Федор уже уехал. Поговорили о том о сем, а напоследок Алексей попросил срочно передать Федору, что он давно не получал писем от Ильи Петровича.

Через час Алексея пригласили к аппарату телефона ВЧ. Это был Федор. Связь была надежная, недоступная для взлома даже американским спецслужбам. Алексей неспеша зачитал сообщение «Сальвадора», переведенное им на русский язык. Федор попросил подождать пять минут, и Алексей услышал, как он дал распоряжение принести диктофон. Затем Алексей еще раз зачитал сообщение. Но реакции на другом конце провода сразу не последовало. Москва долго молчала.

– Значит так, наконец, раздался голос Федора. Оригинал сообщения сжечь, чтобы не оставлять следов об источнике. В русском переводе убрать все, что касается источника, куда он ездил, с кем говорил. Это все будет у меня. Сам напиши только квинтэссенцию сообщения.

Алексей прочитал еще раз оригинал сообщения и записал следующее: «По полученным данным, в отношении Румынии идет подготовка государственного переворота с целью

ареста и ликвидации Николае и Елены Чаушеску. На территории Венгрии, под маскировкой языковых курсов, специалисты ЦРУ готовят группы боевиков из числа трансильванских венгров-граждан Румынии. Подготовлено около десяти снайперов. Агенты ЦРУ под прикрытием посольства США в Румынии под видом пикников выезжали в Карпаты и передали снайперские винтовки или спрятали их в лесных тайниках для групп боевиков, точно неизвестно. Начальная стадии госпереворота намечена на середину декабря в городе Тимишоара, где в основном проживают этнические венгры. Затем, по планам ЦРУ протесты будут подхвачены в Бухаресте через провокаторов из числа этнических венгров. Задача снайперов стрелять по толпе протестующих против Чаушеску, взвалив вину на его головорезов-янычар или секуритате».

Алексей вспомнил и последние слова Федора, что эти данные подтверждаются из других каналов, что «Сальвадор» молодец, что держи эту информацию у себя в секретной папке, может пригодится.

Глава 10

Когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев закончил читать докладную записку секретаря ЦК Яковлева о завершившемся вчера съезде ЦК Румынской компартии, он стал весь пунцово-красным. Его правая рука долго не поддавалась, чтобы написать резолюцию в левом верхнем углу документа. Наконец, справившись с этим Горбачев написал резолюцию и от внезапно нахлынувшего волнения никак не мог поставить ручку с золотым пером в настольную базу. Он очень дорожил этим подарком, который ему вручил президент США Рейган на встрече в Рейкьявике. Ручка так и не попадала в базу, на помощь пришел Яковлев, сидевший напротив.

– Давайте помогу, Михаил Сергеевич, мне сподручнее.

Яковлев знал толк в дорогих подарках, не раз их получал в бытность послом СССР в Канаде. Водрузив ручку на место он смог взглянуть на резолюцию, адресованную Председателю КГБ Крючкову. Вот это он зря делает, там и без наших Штирлицев все сделают как надо.

– Да, Александр Николаевич, этот «мамалыжник» совсем чувство реальности потерял. По голосу Яковлев понял, что необузданная злость еще крепко держит Генсека.

– Я сельским хозяйством всю жизнь занимаюсь, а урожаи пшеницы в 70 центнеров с гектара только на эксперимен-

тальных полях мы собирали. А здесь, в какой-то отсталой Румынии, они «под каждым кустом ее находят» в таких количествах. А что, внешний долг «карпатский брехун» тоже погасил – резко сменил тему Горбачев.

– С этим тоже надо разбираться, Михаил Сергеевич, (хотя знал, что Румыния долг погасила). Чаушеску на съезде много чего наговорил, может наша разведка и перепроверит, а то наш посол по-комсомольски верит всему, что румыны пишут в партийной прессе.

– Ты прямо мои мысли читаешь, коллега, я уже написал резолюцию Крючкову.

Яковлев понял, что его молчаливая поддержка Горбачева как-то того успокоила.

Сделав хороший глоток чая из алтайских трав Горбачев, мимикой показывая, что его одолевают глубокие размышления, сказал:

– Современному коммунистическому движению, активно продвигающему политику перестройки, видимо, не по пути с такими лидерами, которые опустили народ в нищету, чтобы покрасоваться перед всем миром на белом коне.

– Ладно, Александр, – он называл Яковлева по имени, только при обсуждении доверительных вопросов, – что у нас дальше?

Яковлев давно ждал этот вопрос в такой последовательности, а именно, после обсуждения румынских дел.

– Михаил Сергеевич, надо ускорить подготовку к самми-

ту на Мальте с Джорджем Бушем. Там много технических вопросов, ведь встреча пройдет на американском авианосце. Повестка в принципе согласована. Но в последний момент американская сторона сообщила, что хотела бы неофициально обсудить тему о нарушении прав человека в Румынии.

– Они прямо, как я думаю, – и Горбачев углубился в чтение документов.

Глава 11

7 декабря 1989 года руководитель Румынии Чаушеску принял с докладом начальника внешней разведки. Еще с 70-х годов, из книги румынского предателя генерала Пачепы, было известно для узких специалистов, что Чаушеску лично курирует несколько наиболее ценных агентов, а их данные никому кроме него неизвестны. В этот день Чаушеску ознакомился с донесением самого ценного агента, давно оккупавшегося в штаб-квартире НАТО. Агент сообщал, что на встрече советского лидера Горбачева с президентом США Бушем-старшим, состоявшейся 2–3 декабря 1989 года у берегов Мальты, обсуждался вопрос о положении в странах Восточной Европы. В донесении прямо указывалось, что Буш озабочен проблемой нарушения прав человека в Румынии. Американский президент получил неофициальные заверения Горбачева, что СССР не станет вмешиваться в дела Румынии. Агент подчеркнул, что в руководстве НАТО это восприняли, как зеленый свет для Запада на имплантацию демократии в Румынии.

Чаушеску мрачно посмотрел на начальника разведки. Потом снова взял документ в руки, сделав вид, что перечитывает его, но смотрел куда-то в сторону. Его не заботила реакция генерала на это, он давно привык к тому, что мнение других о нем не имело значение. Вождизм проявлялся не только в

отношении подчиненных, но и к равным себе, то есть лидерам других стран. За всем за этим, конечно, стоит и Горбачев. Он прекрасно понимал, что президент СССР хотел нагнуть его на переговорах в Бухаресте, в апреле 1989 года. Но Чаушеску давно уверовал, что непримиримость духа как у господаря Влада Цепеша или Дракулы, это – его главное оружие в отношениях с врагами и союзниками. Он считал Горбачева «показушником» и «мягкой тряпкой». Неужели ошибся?

– Ну что, генерал, думаешь обо всем этом? Горбачев нас предал? Этот «меченый» не знает насколько един и верен мне румынский народ. Никто не пойдет против. Но в крайнем случае, мы тоже можем устроить вторую площадь Тяньаньмень (расстрел тысяч студентов в Пекине в июне 1989), армия всегда со мной.

Генерал, несмотря на вопрос вождя, и не думал, что он даст ему слово. Успел изучить его стиль в работе с подчиненными. Но Чаушеску вновь взглянул на него и спросил, какие есть идеи? Начальник разведки обычно идей не имел, зная, что вождь не жалуется «идейных», но сейчас промолчать почему-то не смог.

– Вся агентура ориентирована на сбор дополнительной информации, это что касается внешнего фланга, а здесь, в стране, надо бы задействовать наших «детей». Я их сам подбирал, готовил. Все в идеальной форме, обеспечены всем необходимым. Они настолько «обрумынились», что никто

не подумает, что они этнические арабы. Каждая группа будет иметь конкретную задачу по выявлению заговорщиков и зачинщиков, а если потребуется, то сработают лучше любого «эскадрона смерти» (отряды убийц в Латинской Америке). Не дай Бог, конечно. И генерал перекрестился. Главное, что ни секуритате, ни МВД не замажутся. А наши дети просто испарятся, как призраки, благо комплекты иностранных паспортов у них есть. Да, улетят как призраки. Он хотел добавить... Дракулы, но не решился.

Чаушеску одобрительно кивнул и дал понять, что беседа закончена.

Глава 12

В годы социалистической Румынии в стране проживало около двух миллионов этнических венгров. Как правило, они жили на территории географической области Трансильвании компактно в селах и поселках городского типа. Город Тимишоара, что недалеко от границы с Венгрией, считался неофициальной столицей этнических венгров. Ранее, с 1945 по 1968 годы, венгры имели автономию. Однако, Чаушеску провел территориальную реформу, и автономия была упразднена. Не без участия Будапешта, автономистские настроения подогревались. Уровень жизни населения в Венгрии и Румынии отличался на порядок. Несмотря на объемный экспорт промышленной и сельскохозяйственной продукции магазины в Венгрии были забиты товарами, как на Западе. В то время, как в Румынии, этнические венгры и румыны в 80-е годы еле сводили концы с концами, имея деньги, необеспеченные товарами, жили на продовольственные карточки.

В начале декабря 1989 года, после очередной службы в реформаторском соборе в городе Тимишоара пастор Ласло Текеш собирался закрывать храм, чтобы отправиться домой. Однако к нему подошла группа постоянных прихожан, один из них попросил уделить время для серьезного разговора.

Текеш согласился и провел их в служебном помещении в цокольном этаже церкви.

– Здесь хорошее место для разговора, укромное для посторонних глаз и ушей – сказал пастор.

– Да, падре, это разумно, осторожность очень кстати, – поддержал пастора молодой прихожанин спортивного телосложения. Он и продолжил разговор от имени других.

– Падре, вы, конечно, знаете, что за ваши проповеди о свободе, об угнетенном положении венгров в Румынии, о необходимости восстановления автономии, давно находитесь под наблюдением Securitate. Один наш друг в спецслужбах сказал, что терпению Чаушеску настал предел, и он дал команду пресечь автономистские настроения решительными действиями. Со дня на день вас должны арестовать, о других мерах мы не знаем.

– Я не боюсь ареста, со мной наш Бог, они не смогут заткнуть мне рот даже в тюрьме, – гордо продекламировал падре, расправляя складки сутаны.

– Мы в этом не сомневаемся, – почти хором, приглушенным голосом сказали прихожане. Слово снова взял их лидер.

– Падре, вы должны знать о том, что вас мы в обиду не дадим, а на день вашего ареста планируем масштабные протесты. Почти все венгры Тимишоары выйдут на улицы, для нас это реальный шанс скинуть «Дракулу».

Дверь неожиданно открылась, в помещение вбежал еще один молодой человек и сообщил, что надо быстро расхо-

даться. Вокруг собора заметили две подозрительные «Дачи» с бухарестскими номерами.

Глава 13

В то утро 13 декабря 1989 года фермер Ионеску решил воспользоваться погодой, то есть, еще не наступившей зимой, чтобы выпастить своих трех коз на небольшой поляне в роще, находившейся между озером Снагов и небольшой деревушкой. Он только вчера был в этом месте на заготовках хвороста и обратил внимание, что под лучами время от времени появляющегося из-за облаков солнца пробились наружу побеги зеленой травы. Это, видимо, прощальный аккорд уходящей теплой осени, – подумал он. Надо завтра этим воспользоваться. На козье молоко всегда есть спрос, заработаю какие-то деньги.

В предрассветные часы выгнал из стойбища коз, закрыл калитку и направился в сторону рощи. Туда вела пыльная грунтовая дорога, козы знали это место и бежали отвязанные, благо автотранспорт и днем здесь редко появлялся. Ионеску остановился, чтобы скрутить сигарку и насладиться самосадом. Хотел прикурить, но рука вздрогнула от лязга тормозов, и от душераздирающих стонов животного. Выскочив за поворот, он увидел удаляющуюся небольшую бронемашину, типа БРДМа, и лежащую на дороге сбитую на смерть козу. Когда осела пыль, взлетевшая как смерч из-под колес этой бронемшины, старик увидел, что она въехала в ворота трехэтажного дома, который когда-то был сельскохо-

зыйственным колледжем. А сейчас о нем ходили разные слухи, но что там, никто толком не знал.

Действительно, об этом здании, расположенном недалеко от дачи посольства СССР, знали лишь посвященные. В это декабрьское утро туда одна за одной въехало около десятка затонированных «Дачий» с форсированными движками. И лишь несколько лет спустя стало известно, что в то утро в актовом зале бывшего колледжа начальник румынской разведки проводил совещание с командирами «троек» и «пятерок» подразделения, которое в Латинской Америке называли «эскадроны смерти».

Открывая совещание генерал сразу сказал, что страна в опасности, внутренний враг поднимает голову, и «Папа» уверен, что его «дети» не подведут. Ребятам много объяснять не надо было. С детства их воспитывали в духе преданности Чаушеску, и их час пробил. Арабская кровь закипала от гнева, что кто-то покушается на их «Отца».

Все командиры получили конверты с боевым заданием, и, как ветер, умчались на затонированных «Дачиях», как призрак этого загадочного дома.

Глава 14

К полудню, 17 декабря в Бухаресте стали распространяться слухи о трагических событиях в Тимишоаре. Источники информации назывались самые разные, но в официальных СМИ было затишье. На 15 часов в посольстве назначили совещание, которое проводил советник-посланник, второе лицо в дипмиссии. Он сообщил, что посла срочно вызвали в Москву.

Обсуждался один вопрос, что происходит в Тимишоаре. Задача для всех была поставлена одна – сбор информации. Доклад руководителей отделов каждый час.

Алексей, конечно, сразу вспомнил дословно сообщение «Сальвадора» и ничему не удивился, зная, что Федор и другие компетентные лица в курсе дела. Только вышли из зала совещаний, как Алексея пригласили к городскому телефону. На проводе был его хороший знакомый, первый секретарь посольства Испании. Испанец предложил встретиться в ресторане Дипломатического клуба, обсудить ситуацию, а заодно поужинать. Кроме ресторанов гостиниц «Интерконтиненталь», «Холидей Инн» и еще пару мест, ресторан Дипломатического клуба был излюбленным местом встреч дипломатов. Многие, а особенно те, кто читал книгу генерала Пачепы понимали, что это заведение нашпиговано подслушивающей техникой. Но что делать, беседовать где-то надо, и

кухня там была изысканная и недорогая.

На парковке Дипломатического клуба «ВАЗ-2107» Алекся была очень заметен на фоне «Мерседесов», «Ауди», «Фольксвагенов» и т. д. Не успел он отойти от машины, как его окружила небольшая группа западных дипломатов, которых он хорошо знал как по теннисному клубу и как переводчик посла встречал их на различных раутах. Первым подскочил бесцеремонный американец Вокер, и сразу ошарашил вопросом в лоб.

– Алекс, дружище, может ли в Румынии повториться Венгрия 56 года или Чехословакия 68? Может ли Чаушеску вывести танки на улицы, как сделали китайцы на Тяньаньмень?

К американцу присоединился британец и еще какой-то гусь, вроде голландец.

Алексей понял, что от этих акул так просто не уйдешь. Бубнить что-то невнятное в стиле дипломатов школы Громыко не захотелось. Он не привык выглядеть растерянным. Ну, что придумать? Неожиданно пришла озорная мысль – сыграть, как говорил Задорнов, на тупости американов. Алексей по-панибратски обнял Вокера, и чтобы все слышали сказал:

– Что вас интересует я понял, и есть что сказать неофициально. Но для начала я вам всем задам один вопрос, ответите – я весь ваш.

Англосаксы насторожились, и правильно сделали, потому что Алексей предложил им загадку, которую младший сын,

второклассник, принес из школы. На подобных загадках в советских школах развивали логическое мышление детей.

– Ну что, господа присяжные заседатели, – вспомнил он крылатую фразу из «Двенадцати стульев». Вопрос: каких камней нет в море? Можете совещаться, пять минут у нас есть.

Началось что-то похожее на клуб «Что? Где? Когда?». Весело было смотреть на взрослых дядек-дипломатов.

– Это вам не оружие моджахедам поставлять, здесь думать надо.

Версии строились самые разные. Британец так разволновался, что попросил разрешение, якобы сбегать в туалет. Когда вернулся, отмочил какую-то ерунду, что все дружно заржали. Американец выбросил белый флаг.

Алексей сделал серьезное лицо и «голосом ведущего Ворошилова» дал ответ:

– В море нет сухих камней.

Возникла пауза и опять все снова заржали. Чтобы не обижать коллег Алексей сказал:

– Ну, а теперь я отвечу на ваш вопрос. Чаушеску резко критиковал ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году. И если рассуждать логически, разве он обратиться за помощью к странам Варшавского Договора, когда беда пришла в его дом.

Американец и британец были поражены такой железной логикой и согласно кивали. Голландец же записывал ответ

Алексея слово в слово.

Великое дело логика, Алексею сразу вспомнился «главный по логике – Георгий Бурков» в фильме «С легким паром», в любимой советскими мужчинами сцене: «Сандуны, водка, пиво». И он не сдержал улыбку.

Когда Алексей отвязался от англосаксов, он устремился в ресторан и увидел испанца, застывшего в нерешительности: продолжать ждать или уходить. Алексей быстро объяснил ему причину долгой задержки, и это было воспринято с пониманием.

– Ну, этим шакалам только до крови добраться, – испанец был скрытый антиамериканец, и Алексею это помогало в общении с ним. Так как при общении с испанцем он тоже не скрывал неприязни к американцам.

На аперитив заказали виски «он зе рокс», маслины и соленые орешки. Под красное сухое вино «Мурфатлар» наслаждались вкусно приготовленными стейками, а вместо салата заказали блюдо со всевозможной зеленью. За девять месяцев в Бухаресте Алексей всего второй раз ел стейк. Такие блюда в ресторанах были дороговаты для бюджета советского дипломата тех времен. Для дипкорпуса в столице Румынии работали лишь два магазина. Не всегда, и постояв в очереди, можно было купить упаковку в три килограмма свиной вырезки, ну и другой еды понемножку. Городские же продмаги светились пустыми полками. Ну рынки еще выручали, для многих румын они были почти недоступны.

Беседа с испанцем, оказалась плодотворной, здесь уже Алексей старался запоминать каждую деталь. Испанец ненавидел британцев за войну из-за Мальвинских островов. Там погибли его родственники – аргентинские офицеры, а американцев – за то, что они поддерживали генерала Франко, на совести которого тысячи замученных республиканцев.

По умолчанию, за ужином обсуждали новости футбола, литературы и кино. Испанцу импонировало то, что Алексей в оригинале прочитал книгу известного испанского писателя Бласко Ибаньеса «Кровь и песок» и хорошо разбирался в тавромахии. Алексей несколько раз посещал корриду в Лиме и неплохо овладел особенностями этой испанской страсти. Словом, для испанского дипломата он был интересным собеседником.

Расплатились за ужин пополам и решили прогуляться по аллеям Дипломатического клуба, благо они были освещены, и для середины декабря стояла относительно теплая погода. Во время этой прогулки и состоялся основной разговор, не предназначенный для посторонних ушей.

Испанец, ссылаясь на информацию из штаб-квартиры НАТО, сразу сказал, что дни Чаушеску сочтены. Президент США Джордж Буш на переговорах с Горбачевым на Мальте получил заверения советского лидера о невмешательстве СССР в дела Румынии, как бы не развивалась обстановка. Скоро, по словам испанского дипломата, митинги, охватившие Тимишоару, дойдут до Бухареста, и начнется револю-

ция. У американцев есть какой-то секретный план по свержению Чаушеску, но они в него никого не посвящают. Свою информацию испанец завершил тем, что западные посольства начали потихоньку вывозить свой персонал в соседние Венгрию и Югославию.

Алексей, честно говоря, был ошарашен такой прямоотой испанца, нарисовавшим страшный сюжет развития ситуации в Румынии. Вернувшись в посольство он оформил свой разговор с испанцем в виде записи беседы и передал советнику-посланнику.

Глава 15

С 17 по 21 декабря Бухарест затих в ожидании какой-то неопределенности. Нервы всего многомиллионного города натянулись как тетива арбалета. По городу ползли невероятные слухи. Многие запасались продуктами, алкоголем и табаком перед лицом неясной перспективы. У кого-то не выдерживало здоровье, и в городе, то тут, то там раздавались sireны карет скорой помощи. К их реву присоединялись sireны автотранспорта специальных служб. Войска столичного гарнизона получили приказ о переходе в состояние боевой готовности.

Чаушеску в эти дни пытался связаться с Горбачевым по экстренным каналам связи, но советский лидер был недоступен. Чаушеску хотел обсудить вопрос о возможном вводе войск стран Варшавского Договора в случае реальной опасности социалистическому режиму в Румынии.

Горбачева проинформировали по теме, которую хочет обсудить Чаушеску. Тот, в свою очередь, кулуарно сказал одному из своих помощников:

– Пусть вспомнит шестьдесят восьмой год и свои выпады против действий СССР в Чехословакии. На вопрос, как реагировать на звонки румынского лидера, Михаил Сергеевич отмахнулся, как от назойливой мухи.

Ну что делать Чаушеску?

21 декабря вводится чрезвычайное положение в уезде Ти-миш, блокируются все возможные пути миграции этниче-ских венгров в столицу. В этот же день Чаушеску созывает организованный митинг перед зданием ЦК партии. Основ-ные лозунги и речевки стотысячного митинга – заклеить венгерских сепаратистов, ведущих Румынию к развалу. По-началу, как и всегда, митинг проходил по давно отретети-рованной схеме. Чаушеску, видя, что толпа его поддерживает, торжествовал. Ему бы остановиться, но он наслаждался под-держкой масс. Елена улыбалась, торжествуя вместе с мужем. Люди начали потихоньку расходиться, ворча под нос здра-вицы в адрес обоих Чаушеску. Все заканчивалось стандарт-но, как вдруг что-то пошло не так. Сначала никто ничего не понял, а скорее не поверил своим ушам. Все прислушались. Хриплый голос из толпы повторил фразу, которая стала ис-торией: «Долой Чаушеску! Долой Чаушеску!»

На секунду все замерло. Николае Чаушеску приложил ру-ку к уху показывая, что он не расслышал выкрик. Тогда часть толпы, видимо организованная, помогла «пионеру» лозун-га. «Жос Чаушеску!». «Долой Чаушеску!» закричали тыся-чи глоток. В один момент толпа поняла, что не так страшен черт, как его малюют. В сторону полетели плакаты с портре-тами Елены и Николае. Раздался свист и улюлюканье. Чау-шеску дал какой-то сигнал одному из приближенных, но в этот момент раздался взрыв. Толпа бросилась врассыпную, проклиная власть.

С этого начались стихийные митинги по всему Бухаресту. Поначалу все проходило шумно, но мирно. Однако, когда по толпе кто-то начал стрелять, народ озверел. Все полагали, что это секуритате ликвидирует неудобных. Танки и бронетранспортеры оккупировали центральные площади. Но паника не стихала. Трупы убитых относили на газоны. Армия находилась в нерешительности – не стрелять же по народу? Когда выяснилось, что министр обороны Василий Миля покончил собой, вооруженные силы перешли на сторону революционеров.

Революция была сделана. Чаушеску спасались на вертолете, но от них отвернулась даже собственная охрана. Супруги были пленены. 25 марта состоялся трибунал и расстрел.

Скоротечность трибунала до сих пор вызывает массу вопросов. Даже семья российского царя Николая Второго после отречения больше двух месяцев провела в заточении, в Ипатьевском доме, в нормальных условиях. А в Румынии все так быстро, и – к стенке. Прямо какая-то махновщина. Кто-то очень торопился. Уже не секрет, и об этом писалось в открытых источниках, что вокруг лидера румынской революции оказались никому неизвестные на тот исторический момент личности, как Петре Роман, ставший впоследствии премьер-министром. А также некто Войкан Войкан Войкулеску, который организовал и руководил трибуналом над Чаушеску. В первые годы после революции именно его называли идеологом быстрой расправы над Николае и Еленой. Ему

же приписывалась и роль палача. Об этом писали независимые румынские издания 90-годов. Если первый президент свободной Румынии Ион Илиеску был на виду и даже входил в ЦК РКП, то его сподвижники, особенно Войкулеску, как с неба свалились. Они явно не подходят на роль призраков Дракулы, но казнили чету Чаушеску именно в его манере.

Другой вопрос, который будоражил головы румыноведов, кто были те не пойманные, и не ликвидированные «террористы», пытавшиеся отбить телецентр и обстреливавшие армию? Опыт цветных революций показывает, что так называемые «террористы» – не обязательно «слуги» уходящих режимов. Отсутствие доказательств в пользу этой версии говорит об обратном.

Часть 2. «...нет у революции конца»

Глава 1

Небо то и дело озарялось зарницами, где-то далеко, видимо, разразилась сильная гроза, привычная для окрестностей Бухареста для этого времени года. Дневная июльская жара сменялась прохладными ночами, что и приводило к сильным атмосферным катаклизмам. Крупные капли дождя барабанили по подоконнику, сначала напоминая мелодию песенки «...старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал...», а при резком изменении направления ветра чудился стук колес по шпалам в стиле мелодий кантри. Мрак позднего вечера усугублялся накрывшей город черной тучей. Качавшиеся из стороны в сторону верхние ветки столетнего тополя, подсвеченные приглушенным светом настольной лампы с оранжевым абажуром, рисовали на оконном стекле причудливые фигурки. Их быстрая сменяемость не позволяла разглядеть на что похожи эти зарисовки. Но подсознание почему-то отождествляло их с демонами, духами и призраками каких-то известных персонажей.

От этих мыслей Алексея передернуло и обожгло ознобом.

Конечно, дело в грозе, очень неистовой для этих балканских широт. Он посмотрел на отрывной календарь, и взгляд надолго застыл на дате – 13 июня 1990 года. Мозг также среагировал на дату, пережив какие-то сосудики, что обычно вызывает желудочные спазмы-предтечи плохих событий. Алексей плотно прикрыл дверь и закурил. Табак отвлек от недобрых мыслей и позволил сконцентрироваться на предстоящем деле.

Выдвинув верхний ящик письменного стола Алексей достал похожую на гроссбух толстую тетрадь, на обложке которой было написано «Дневник». Оказавшись в центре бурных геополитических событий он решил делать записи происходящего, но так, для себя. Учеба в Дипломатической академии приучила к всестороннему анализу и философскому осмыслению всего увиденного. А произошли события, уже имевшие место в истории, но и те, которые произошли впервые. Итак, открыв дневник, он принялся перечитывать написанное.

«... Отгремели канонады первой в современной истории Румынии революции 1989 года. Потом ей дадут название гибридной. Почему? Да потому, что ее организовали США при молчаливом одобрении президента СССР Горбачева. С 22 декабря 1989 года Бухарест стал местом ожесточенных боев армии с неизвестной силой. Можно гадать сколько угодно, кто противостоял танкам и бронетранспортерам, но не было ни трупов террористов, ни схваченных живыми. Итог

тем не менее печальный: 1100 человек погибших и тысячи раненых.

За три месяца восстановили «Атенеум палас», Национальную библиотеку и телецентр, особо пострадавшие в боестолкновениях. Многоквартирный дом советского торгпредства, стоящий напротив телецентра, полностью выгорел и был поставлен на длительную реконструкцию. Жизнь потихоньку налаживалась, и страна готовилась к президентским и парламентским выборам.

На президентских выборах победил глава фронта национального спасения Ион Илиеску. Однако по информации, которую Алексей получал от своих контактов в дипломатическом корпусе, Илиеску был факир на час. Но как Вашингтон мог смириться, что страну будет возглавлять бывший член ЦК компартии, выпускник московского МЭИ и креатура Горбачева. Буквально на следующий день после выборов начались стихийные выступления студентов, требовавших пересмотра итогов голосования. К ним присоединилась творческая и научная интеллигенция. То тут, то там вспыхивали митинги и демонстрации. На университетской площади возник небольшой лагерь, где студенты пели под гитару песни и между делом организовывали протестные акции. Этот лагерь все разрастался и ширился. Ночью, под костры всегда было оживленно. Требования городских властей о самороспуске лагеря грубо игнорировались. Ни президент, ни мэрия не решались на силовые акции. Эта опухоль грозила

НОВЫМ ВЗРЫВОМ...»

Алексей решил продолжить дневник, но только успел написать дату 13 июня, как сверкнула яркая молния, и прогремел сильнейший гром.

На следующий день проснулся рано с больной головой, и это была большая редкость.

Утренняя пробежка как бы поставила все на свои места, но ожидание какого-то неприятного события не покидало мысли Алексея. Утренние газеты пестрели заголовками о продолжающемся четвертую неделю оппозиционном митинге-майдане в центре столицы. Оппозиция решительно требовала досрочных президентских выборов. В случае отказа обещала повторить события 22 декабря. Западные страны осторожно «поддакивали» протестующим. Настроения в армии и полиции были не в пользу силовых акций. Использование военной силы могло закончиться для Илиеску «дежавю».

Новый посол СССР, переведенный в Бухарест из Брюсселя, еще слабо ориентировался в обстановке, но Москва требовала объективной информации. Экстренные совещания проводились ежедневно.

«Сальвадор» уехал на родину три дня назад. На последней с Алексеем встрече он дал короткую, но интересную информацию о том, что предпримут власти для разгона митинга-майдана. По словам чилийца армия и полиция останутся в казармах, а на защиту Илиеску выйдет рабочий класс, ско-

рее всего шахтеры. Когда и как, было неизвестно. Интересно, но такую информацию в телеграмму не включишь.

Глава 2

Мирча и Кристина почти пять лет учились в одном классе средней школы в историческом центре Бухареста. Росли в семьях творческой и технической интеллигенции. В 1988 году вместе поступили в Бухарестский университет на филологический факультет. На филологии настояла мама Кристины, а Мирча, который уже давно был влюблен в Кристину, поступил туда же из солидарности, чтобы быть к ней ближе. Как и многие старшеклассники и студенты ВУЗов они обсуждали между собой и с проверенными друзьями ситуацию в стране. Симпатии многих были на стороне СССР и политики Горбачева. Однако у большей части студенчества преобладали проамериканские взгляды. Информацию о жизни в свободных странах черпали из передач «Радио Свобода» и «Голоса Америки», которые глушились властями, в основном днем, а вот ночью радиосигналы из свободного мира все-таки проникали в Румынию.

После свержения режима Чаушеску и всеобщих выборов 20 мая 1990 года начался демократический период в стране. Мирча и Кристина вздохнули спокойно и полностью посвятили себя учебе. Их отделение русского языка и литературы на факультете не считалось сложным. Победы России в турецких войнах позволили появлению на политической карте Европы королевства Румыния. А после 1945 года страна

стала полноправным членом организации Варшавского договора и СЭВ, и в целом социалистического лагеря. Влияние Кремля в Румынии было весомым до 80-х годов, когда Чаушеску встал на путь диссидентства. Но геополитика мало интересовала Кристину и Мирчу, они со времен старших классов школы, а сейчас в университете жили в мире Толстого, Достоевского и Пушкина.

13 июня 1990 года Мирча впервые пригласил Кристину в кафе, и, несмотря на еще скудный после революции рацион меню, они хорошо провели время, и даже выпили бутылку вина. Мирча, с виду похожий на «ботаника»: в очках, всегда с портфельчиком, небольшого роста – понимал, что на фоне других парней из универа он как бы не пара Кристине. Уже на первом курсе университета она, после невзрачной старшеклассницы, стала быстро превращаться в объект интересов многих молодых людей. Ростом почти в 175 см, стройными ногами модели, упругим и соблазнительным бюстом, она стала привлекать внимание редакторов глянцевого журнала. Но пуританское воспитание матери закрывало ее от соблазнительных предложений. А привязанность к Мирче с детских лет стала словно обетом в том, что он ее парень.

Выпитая бутылка красного «Мурфатлара» и веселила, и расслабляла одновременно. Оба чувствовали себя взрослыми и считали, что это их первое настоящее свидание. Заканчивая трапезу в кафе, оба подсознательно чувствовали, что их ждет какое-то продолжение. Какое? Никто не знал. Но

что-то должно было произойти, как это показывают в американских фильмах.

– Кристина, – робко начал Мирча, нежно обхватив ее за талию. Ранее она аккуратно высвободилась от такой фамильярности, давая понять, что еще рано так близко прикасаться друг к другу. Но сейчас даже сама прижалась к нему своим бедром.

– Что ты хотел сказать, милый? Это ласковое слово тоже было произнесено впервые. Мирчу как бы обдало разрядом тока, а спазм в горле так и оставил его с открытым ртом. Хорошо, что она мое лицо не видит, пулей пронеслось в его мозгу.

– Милый, так что ты хотел сказать? – и, развернувшись к нему лицом, она обвила его шею руками.

От такого разворота резко возросло напряжение внизу живота, и он прижал ее к себе, пытаясь поцеловать в губы.

– Ну, что вы здесь секс устроили, никакого стыда в вас нету, – прошамкал какой-то старушечий голос. Нет на вас Чаушеску, совсем распоясались.

Мирча и Кристина оттолкнулись друг от друга, как одноименные заряды.

– Извините, бабушка, это случайно получилось, – промямлил Мирча, освобождая выход из здания кафе уборщице, выносившей мусор.

Когда дверь за бабкой захлопнулась, Кристина приблизилась к Мирче и стала целовать его в губы.

Мы, в конце концов, свободные люди и делаем что хотим.

– Кристина, пошли ко мне домой, мои предки в театре, и раньше одиннадцати вечера не вернуться.

Выпалив это, он обхватил девушку за бедра и прижал к себе, чувствуя, как прикосновение ее упругих грудей туманит ему голову. Непередаваемая вспышка наслаждения поразила его, он так расслабился, и только дома осознал то, что срочно нужно поменять исподнее. Мирча был явно озадачен, и не знал, что делать. Он чувствовал, что Кристина готова на главный шаг и боялся показаться неопытным мальчиком. Вернувшись в гостиную, он крепко обнял девушку и как молитву стал бормотать, как он сильно ее любит. Его руки чувствовали напряжение ее тела, особенно, когда она стала расстегивать его рубашку. Мирча закрыл глаза и снова поплыл, пытаясь, не снимая блузку, расстегнуть ее бюстгалтер. И вот, когда почти получилось, раздалась настойчивая трель входного звонка. Это просто ошеломило обоих. Звонки не прекращались. Спешно помогали друг другу застегивать блузку и рубашку.

– Кто там? – наконец, проговорил Мирча.

– Мирча, открывай, это Георге, весь день тебя ищу.

– Что ему от меня надо, особенно сейчас, – подумал Мирча. Георге был старостой учебной группы и вечно совал нос не в свои дела. Кроме того, несколько раз делал подходы к Кристине, и это злило Мирчу.

Когда открылась дверь, Георге ветром ворвался в кварти-

ру и сразу пошел на кухню. Даже при желании его трудно было удержать.

– Ну, я так и знал, что вы здесь прохлаждаетесь, указал он на две стоявшие чашки, приготовленные для кофе.

– Кристина, конечно, здесь, но ты ее где-то спрятал.

– Не спрятал, а попросил подождать в гостиной, – сказала вошедшая девушка и восхитительной улыбкой обездвигила Георге. Одноминутная слабость старосты как-то мобилизующе подействовала на влюбленных.

– Тебе, вообще, что надо? – с наступательным напором произнес Мирча. Здесь тебе не универ. Выкладывай, зачем пришел?

– Ну, ладно, ладно, не кипятись, я понял, что пришел не вовремя. И он слащаво посмотрел на Кристину.

– Короче, революция ждет вас, без вашего участия мы не скинем коммуняков. Сегодня на собрании группы мы приняли решение поддержать не на словах, а на деле митинг на Университетской площади. Решение принято единогласно. Вечером на сутки заступаем в палаточный лагерь. Оденьтесь соответственно и возьмите чего-нибудь пожрать. Ваше неучастие не обсуждается. Вот такой вердикт.

При этом Георге открыл холодильник, вытащил бутылку Кока-колы и из горла сделал хороший глоток.

– Все жених и невеста, ждем вас на баррикадах.

Подошел к Кристине, чмокнул ее в щечку, похлопал Мирчу по плечу и ушел.

Вроде бы ничего трагического не случилось, другие студенты уже почти месяц митингуют на площади и спят в палатках, но Мирчу охватило какая-то необъяснимая тревога. Кристина же прямо сказала ему о том, что она боится. Пару минут постояли в гнетущей нерешительности. Кристина взяла Мирчу за руку, и в ее глазах читалось то, что не требовало перевода. Мирча обнял ее, и они уединились в спальне.

Глава 3

Утреннее совещание у посла прошло спокойно. Обсуждался один вопрос, когда президент Илиеску решит проблеме митинга «нон-стоп». Население столицы, в целом, спокойно относилось к «шалостям» студентов. Были, конечно, помехи автомобильному движению в центре, но не критические. Автопарк Бухареста еще не был так велик, и до сих пор не хватало бензина. Каждый день на автозаправках выстраивались длиннющие очереди. Поэтому и разговор на совещании особо не получался конструктивным. В стране росла инфляция. Зарплата, выдаваемая дипломатам в местной валюте в леях, таяла за три-четыре дня. Другая часть зарплаты в долларах, Алексей, например, получал сто шестьдесят долларов в месяц, тратилась аккуратно. На часть американской валюты приобретались чеки Внешторгбанка, то, что называется в запас. Другая часть, в пиковые дни девальвации лея, потихоньку обменивалась на черном рынке «на жизнь». Одним из пунктов обмена долларов было общежитие для иностранных студентов, где валютными махинациями занимались иранцы. Работали они конспиративно и честно. Деньги можно было не пересчитывать. Позднее обмен валюты осуществлялся через молдавских шоп-туристов, «протоптавших» дорогу в Турцию.

Таким образом, в те годы настрой советских дипломатов

в Румынии был далек от стахановских высот. Повседневные мысли в основном сводились к решению бытовых вопросов. В частности, где купить итальянскую мортаделлу, поставляемую в рамках гуманитарной помощи, какое-нибудь мясо, молочные продукты или турецкий багет. Все было в дефиците.

Кроме того, Москва особенно не дергала посольство по внутренним конфликтам в Румынии. Горбачев проблему Чаушеску решил. Германию объединил, и с новой силой двигал перестройку в СССР. Сам взрастил Ельцина, который быстро понял, что Горбачев стал для него препятствием. А с другой стороны, академик Сахаров начал наезжать на Михаил Сергеевича. В таких условиях Кремлю не было дела до Румынии.

В этот день, 14 июня, Алексей договорился с Николаем, руководителем «Союза обществ дружбы» в Румынии, встретиться в офисе ССОД. Так что сразу после совещания Алексей «с пол оборота» завел еще новейшую «семерку» и поехал в центр города. Офис размещался в красивом доме 19 века с витиеватыми балкончиками и крутым парадным. Занимал весь второй этаж, на других этажах размещались квартиры бухарестцев из творческой интеллигенции. Вид с маленького балкончика захватывал небольшой сегмент Университетской площади, где обосновался палаточный лагерь оппозиции.

Николай давно проникся симпатией к Алексею, и ему нра-

вилось общение с ним. К приходу гостя в нерабочем секторе офиса благоухал аромат кофе по-турецки, который заглушал специфический запах сигарет Ява. Николай был кофеманом и заядлым курильщиком. Коньяком он тоже не брезговал.

За кофе и сигаретой Николай сразу приступил к теме, которую очень хотел обсудить с Алексеем.

– Алексей, ты мне еще в поезде рассказывал, что много российских староверов проживает в странах Латинской Америки: в Бразилии, Аргентине, Эквадоре и даже в Перу. Меня лично давно интересует тема русских поселенцев за границей. Они до сих пор сохраняют общинный и архаичный образ жизни. Это же интересно. Но, к сожалению, мало об этом пишут журналисты, в «Клубе кинопутешествий» я видел пару сюжетов. Но это ничтожно мало. Сейчас при Горбачеве дали карт-бланш и на эту тему. Вот, например, ты знаешь кто такие липоване? И где они проживают?

– Признаться, первый раз о них слышу – и Алексей почувствовал какое-то неудобство от того, что «ноль» в этой теме.

– Ну, ладно, Леша, не расстраивайся, я тоже об этом долго не знал ничего, и Николай плеснул в бокалы немного коньяка «Скандырбек».

Алексей не любил попадать в ситуации, когда он о чем-то не сведует. Все-таки красный диплом Дипломатической академии давал ему фору по многим вопросам. Он также оценил элегантный выход Николая из этой ситуации. Да, и коньяк горячим теплом разлился по телу.

– Коля, сделай милость, проведи ликбез по липованам. Я уже понял, чем закончится наша беседа.

– Чем же? – и лицо Николая приобрело озадаченный вид.

– Да, мы скоро к ним с тобой поедем.

– Леша, ну ты, как Вольф Мессинг, читаешь мои мысли.

Поэтому расскажу тебе о липованах все что знаю.

И Николай начал свой рассказ.

– Липоване в царской России считались сектой. И довольно многочисленной. Это староверы, сохранившие все дореформенные церковные традиции. Они бежали из России в 17–18 веке, называют себя духовными христианами. Церковь же считают ненужным посредником между Богом и верующими. Трактуют библию по-своему, живут по заветам Евангелия, изучают его. Молятся в молельном доме. Алкоголь, табак и свинина у них под запретом. Никогда не справляют дни рождения. Занимаются сельским хозяйством. Проживали в центральной России. Со времен Петра Первого, когда церковь стала частью государства, власти повели борьбу против так называемых сектантов. Они не покорились, не приняли новые каноны, и их стали высылать на окраины империи.

– Короче говоря, – продолжил интересный рассказ Николай, – с 1840 года начался массовый исход липован из России. Они осели в Румынии, Украине, в Молдове и Болгарии.

– А как они попали в Румынию? – проявил живой интерес к этой теме Алексей.

– Они предпочитают равнину, а не холмы и горы. На территории современной Румынии липоване почувствовали себя на берегах Дуная, как в родном Поволжье, – и Николай закурил новую сигарету. Конечно, их здесь немного, три села, ты скоро сам все увидишь. Принимают гостей хорошо, угощают вкусной едой. Многие блюда готовятся по старинным рецептам. А как они душевно поют. Ну, не буду всего перечислять. Ну, в общем, ты прав, не будем забегать далеко вперед.

– Да, интересно, очень интересно, – задумчиво проговорил Алексей. Я бы посоветовал тебе написать о них книгу, с интервью и фотографиями. Пойдет «на ура».

– Опять ты «Мессинга включил», уже пишу.

И только Николай хотел разлить кофе по чашкам, как в кабинет ворвался его помощник с лицом, искаженным диким страхом.

Николай выскочил из кресла как из катапульты. Его белое кашне, брошенное поверх модного пиджака, слетело на пол. Но он на это даже не обратил внимание. Глаза блестели каким-то спортивным азартом.

– Что, в чем дело? Началось?

– Что началось? – срывающимся голосом пролепетал помощник. Там дикие крики и стоны, как будто свиней режут. Рев толпы как на футбольном матче.

– Так, я все понял и ожидал это.

– Что это? – тоже начиная нервничать, спросил Алексей

и вслед за Николаем выбежал на балкон.

Их взору открылась жуткая картина происходящего на Университетской площади, хотя просматривался небольшой сегмент. Десятки крепких парней в одинаковой черной робе, с перепачканными черной сажей лицами, в касках с фонариками, и стиками в руках, окружили палаточный лагерь. Они размахивали стиками как полицейскими дубинками, несмотря на стоны и визг.

– Говорил я послу, что придут шахтеры и устроят здесь бойню, – выпалил Николай. Ты будь здесь, а я побежал туда, надо все рассмотреть.

– Нет, ты этого не сделаешь, – уверенно возразил Алексей. Во-первых, у тебя дипломатический паспорт, а это уже вмешательство во внутренние дела. За это по головке не погладят. А во-вторых, ты мой друг, и в пекло я тебя не пущу.

Не успел Алексей договорить эту фразу, как из бреши в шахтерских рядах выбежали три парня, закрывая головы руками. Они сразу ринулись в разные стороны, но, выросшие как из-под земли, другие шахтеры принялись бить их руками и ногами. Избиение остановилось, когда оппозиционеры не подавали признаков жизни.

Николай и Алексей молча стояли и не знали, что делать.

– Надо вызвать «Скорую», и Николай принялся дозваниваться по «03». Тем временем, разгон палаточного лагеря продолжался по нарастающей и превращался в стихию, которую невозможно было остановить. Еще несколько моло-

дых людей вынырнули из кольца и побежали, прихрамывая и утирая кровь с лица. На этот раз за ними никто не гнался. Вернулся Николай и сказал, что «Скорая» не отвечает, а просматриваемые с балкона три тела неподвижно лежали на газоне.

– Я все-таки пойду к ним.

– Не надо, Коля, не надо. Ты не врач, и тебя шахтеры могут принять за активиста протестных беспорядков.

Эти аргументы подействовали.

Неожиданно еще несколько человеческих ручейков пробили кольцо окруживших площадь шахтеров. Внимание Алексея привлекла оторвавшаяся от одной группы беглецов девушка. Она бежала босиком, одежда местами была изодрана, а черные волосы развевались на ветру, прикрывая лицо. В какие – то моменты была заметна кровь на щеках и шее. Она прямо бежала к газону, где лежали три неподвижных тела. Девушка подбежала к одному, второму, явно всматриваясь, кто же они. У третьего тела она застыла, и на всю улицу раздался ее душераздирающий крик.

– Мирча? Мирча? Ее рыдания вскиптали кровь у Алексея и Николая, а когда вдалеке показались две фигуры в шахтерской робе, уже без колебаний оба бросились по ступенькам вниз на улицу. Подхватив ее за руки, нырнули в парадное и закрыли дверь на ключ. Хозяйка книжного магазина на первом этаже вышла им навстречу и сказав, что знает эту девушку, скрылась с ней в цокольном помещении.

Долго сидели молча и пили коньяк.

В Южной Америке Алексей видел разгоны демонстрантов и дубинками, и водометами. И жил в условиях комендантского часа. Но, это происходило в капиталистических странах и считалось в порядке вещей. А здесь, в Румынии полгода назад еще социалистической стране, вот уж не ожидал. Николай же сам из провинции участвовал в юности в деревенских драках, но это было в далеком прошлом.

– Ну хорошо, что девушку спасли, – первым нарушил молчание Алексей.

– Да, эти животные могли ее на наших глазах изнасиловать, – поддержал его Николай.

– Ну ладно, Коля, поехали в посольство, доложим, что видели. Надеюсь, наши красные номера шахтеры знают, так что доберемся как-нибудь.

Глава 4

На следующий день в Москву отправили информацию, основанную на официальных данных администрации президента Илиеску. Там говорилось, что почти месячный митинг-майdan организовали деклассированные элементы, наркоманы, проститутки и т. д. В спонсорстве подозревались тайные агенты Чаушеску и венгерские националисты. В ответ на многочисленные обращения населения с просьбой навести порядок, профсоюз горняков предложил свою помощь. Власти Румынии с одобрением откликнулись на предложения шахтеров. Лидеры шахтерского отряда обратились с просьбой к митингующим освободить Университетскую площадь и разойтись по домам. В ответ в шахтеров полетели «коктейли Молотова», камни, металлические предметы. Кто-то из протестантов стал угрожать оружием. Агрессивные действия толпы, приведшие к ранениям среди шахтеров, спровоцировали массовую драку. Кулачные бои продолжались несколько часов. В результате, палаточный лагерь ликвидировали, мирная жизнь в столице восстановилась. К сожалению, как указывал официальный Бухарест, не обошлось без жертв. Шесть человек погибли и несколько сот получили ранения. Погибшие и раненные были с обеих сторон.

Несколько дней город приходил в себя, особенно исторический центр. Там развивались основные события и столк-

новения шахтеров с митингующими. Много слухов распространялось о числе пострадавших. Оппозиция настаивала на том, что в Бухарест прибыло десять тысяч шахтеров во главе с лидером горняков Мироном Козмой. Что реально погибло около ста человек, и более тысячи раненых. Но практически эта тема сильно не раскручивалась, поскольку не было единства в политической оппозиции, а большинство румын молчаливо поддерживали президента Илиеску.

Алексей и Николай не афишировали свое участие в одном из эпизодов беспорядков. Хозяйка книжного магазина в здании, где размещается офис Николая, передала благодарность от спасенной девушки. Она ее знала давно, девушка часто заходила в магазин. Ее зовут Кристина, и со своим женихом Мирче они случайно оказались в палаточном лагере. Кристина, к счастью, не пострадала, а Мирча погиб. Девушка до сих пор в трауре и не верит случившемуся.

Алексей с Николаем были свидетелями этой трагедии, но найти объяснений такой ярости шахтеров не смогли.

Очевидцы рассказывали, что когда шахтеры отрядами шли по Шоссяу Киселеф, они в своих робах, касках и лицами со следами сажи были похожи на каких-то призраков «черных рыцарей Тьмы».

Из личного дневника Алексея.

Зима 1991 года в Румынии выдалась снежной и морозной. Отопление в квартирах оставалось как и при Чаушеску на грани ощущения того, что ты как бы находишься на улице.

Обогреватели, грелки в постель-все шло в ход. Шерстяные носки и вязаные шапочки стали неотъемлемым атрибутом ночного туалета.

В эту ночь не засыпалось, и Алексей, удобно устроившись в кресле у окна, вблизи обогревателя, созерцал февральскую метель. Снежинки кружились вокруг уличного фонаря, словно пытаясь обнять его и приглушить освещение ламп, чтобы не мешали спать. Но получалось все наоборот-яркость фонаря только увеличила свой радиус.

Да, завтра вновь придется откапывать машину, думал Алексей. Но это полбеды – путь на работу грозит новым приключением. В те годы в Бухаресте снегоуборочная техника вообще не появлялась на улицах города. Расчет был на то, что к обеду снег растает. Он действительно таял, образуя потоки воды, ливневка явно не справлялась. В дни снегопадов невозможно было выйти на улицу без резиновых сапог.

Алексей долил себе еще чаю в стакан и подумал, что мороз и снег благо для сегодняшней Румынии – нет демонстраций, и сейсмическая активность почти на нуле. А может все это связано. Наверняка.

Мысли бегали туда-сюда в каком-то хаосе: от снега до землетрясений. О чем я думаю? Ну, конечно, как это можно забыть? 30 мая 1990 года надолго останется в памяти.

В этот день жена с детьми собиралась к отъезду в Москву в первый отпуск. Чемоданы упорно не хотели закрывать-

ся. Много тогда было в Румынии того, что не продавалось в магазине «Кодру» в Москве, что вблизи метро «Добрынинская». Это и изделия из тонкого фарфора – посуда, статуэтки, вазы ручной работы. Постельное белье, ткани и одежда. Короче, ехали не с пустыми руками. Тогда оплачивали только проезд на поезде, а это целое купе на семью. Впихнуть туда можно было «миллион» коробок. Международный поезд отправлялся вечером – две ночи, и ты в Москве на Киевском вокзале.

Чтобы убить время перед обедом, Алексей с детьми Василием и Ленькой играл в карты. В семье пользовалась популярностью игра «Ап энд даун» (Вверх и вниз) с элементами преферанса и кинга. Жена Наталия варила борщ, и его аромат отвлекал от игры. Параллельно жарились котлеты из кабана (мясо получено от местного егеря в обмен на банку красной икры), а этот запах, вообще, сводило с ума.

Неожиданно раздался странный звук, подобно тому, когда камень попадает в стекло, но оно не разбивается. Что-то знакомое из недавнего прошлого было в этой ерундовой ситуации. Но не вспоминалось.

– А где Лизка? – спросил старший сын Вася. Так прозвали сиамку, привезенную из Москвы.

Все пожали плечами, не придав значение вопросу. Азартная игра приближалась к неизбежному финалу, и никто не хотел проигрывать. Отсутствие кошки было на руку всем, так как она всегда исподтишка прыгала на одного из игроков

и пыталась отнять карту. Всегда почему-то целилась в джокера, разоблачая, таким образом, у кого он находится.

Когда странный звук в окне повторился, Алексей даже выглянул в окно. Но кто мог добросить камень до десятого этажа. Чертовщина какая-то, – подумал он и снова взял карты.

– Папа, а здесь бывают землетрясения, – спорил младший Ленька.

– Откуда, это же не Южная Америка. А почему ты спра... Алексей не договорил. Как же я сразу не догадался. Он на секунды впал в какое-то замешательство, во время которого в памяти всплыли картины того, что ему рассказывали очевидцы, и что он читал о катастрофическом Карпатском или Бухарестском землетрясении.

Четвертого марта 1977 года в 21.20 мощный толчок, в эпицентре достигший около 9.5 баллов по Рихтеру, прошил своим смертоносным ударом территорию, от Карпат в уезде Вранча, Бухарест, через Кишинев, дошел до Москвы и остановился в Ленинграде. Наисильнейший удар принял на себя Бухарест, стихия разбушевалась до 7.5 баллов. Около тридцати трех многоэтажных домов сложились как карточные домики. Малоэтажные постройки никто не считал. По официальным данным, в Бухаресте погибло 1500 человек, ранено около десяти тысяч. Вместе с тем, западные СМИ, на основании данных своих посольств, сообщали о двадцати тысячах погибших и сотни тысяч раненых. Чаушеску обвиняли в занижении данных. Такая же история была, кстати, и

в Мехико после разрушительного землетрясения 1985 года. Цифры разнились в разы.

Алексей вспомнил рассказ одного из сотрудников советского посольства, работавшего в тот год в Бухаресте. По его словам, тысячи горожан, оставшихся без крова и опасаясь повторного толчка, всю ночь бродили по городу. В их лица страшно было смотреть: глаза навывкате, и ужас, застывший на лице. Все как в американском фильме на следующий день после ядерной бомбардировки.

Москвичи тоже помнят этот вечер, когда в квартирах, выше пятого этажа, качались люстры и падали незакрепленные предметы. В истории Москвы подобного события зарегистрировано раньше не было.

Все это мигом пронеслось в голове Алексея, и он внутренне напрягся. Да, якобы камешки в окно – это треск стекла от того, что начал вибрировать фундамент, как предвестник надвигающейся опасности.

Когда оконное стекло взвизгнуло в третий раз, и одновременно поехал пол под ногами, Алексей начал действовать на автомате. Крикнул жене, чтобы хватала Васю, поскольку на него уже падала стенка, а сам в охапку быстро схватил младшего.

– За мной, – скомандовал он и устремился к проему двери, где проходила несущая балка. Видимо в его голосе звучали нотки, не терпящие возражений. Или, возможно, доносившиеся откуда-то снизу душераздирающие человеческие

крики, заставили всех бежать к выходу. В криках из подъезда стали узнаваться слова какого-то восточного языка. Да, на первом этаже арабы живут, вспомнил Алексей. И на этом воспоминания прекратились.

Затем упала на пол, незакрепленная шурупам к стене, вешалка. Лежавшая в шляпном отделении и упакованная, как подарок, бутылка «Посольской» грохнулась на пол и разбилась. В радиусе двух метров отчетливо запахло водкой завода «Кристалл».

Когда в гостиной из серванта начала выпадать посуда, а стеклянные брызги разлетались в разные стороны, десятиэтажный дом закачался из стороны в сторону.

– Что делать? – вечный вопрос. Решение никак не приходило в голову. Глаза Алексея встретились с вопрошающим взглядом младшего Ленки:

– Папа, а дом может упасть? – донеслось до Алексея.

В этот момент стало понятным – надо действовать. Под непрекращающейся качкой Алексей выглянул на лестничную клетку-лифт стоял на первом этаже. Что нельзя делать, подумал Алексей, так это бежать с детьми по лестницам вниз. Они рушатся в первую очередь. Стоять под балкой, видя в глазах семьи нарастающий испуг – тоже не вариант. Да, случается в такой ситуации люди от страха прыгают с балконов, так, например, было в Кишиневе в 1977 году. Стоять нельзя, двигаться. Где поставить запятую? Но в тот момент было не до философии.

Убедившись, что лифт, по-прежнему, стоит на первом этаже, Алексей нажал кнопку. На подсознании он досчитал где-то до пятнадцати. Ну, что секунды риска, и ужас прекратится? Уже и не думая об этом, скомандовал:

– В лифт, – и нажал на кнопку первого этажа. Секунды тянулись как в замедленной съемке. Ну вот и улица. Добежали до машины, и только здесь обнаружили себя полураздетыми. Но было не до дипломатического этикета. Облокотившись на машину, Алексей понял, что стоит на полусогнутых, а ноги дрожат, как после первого спуска на горных лыжах. От радости, что целы и невредимы, у всех навернулись слезы. 30 мая 1990 года запомнилось на всю жизнь.

P.S.

Нельзя не сказать о Лизке. Сиамская кошка, любимица семьи, в день землетрясения 30 мая, видимо получила сильный урок, и в ней раскрылись интересные способности. Когда семья Алексея оказалась на улице кошка осталась в квартире, о ней просто забыли. Боясь повторного толчка никто из жильцов дома, проживавших выше третьего этажа, не решился подниматься в квартиры до вечера. Когда под вечер Алексей все-таки поднялся на десятый этаж, Лизка сидела, забившись в угол, и даже не выбежала навстречу.

Позднее, в ее поведении появились некоторые странности. Вдруг она начинали громко мяукать и лапами, захватывая за руку младшего Леньку, пыталась зазывать его куда-то.

Однажды ему сказали следовать за ней, и она привела его в детскую спальню и забила в кровать под одеяло. Через день Алексей прочитал в газетах, что в день странного поведения сиамки, в Карпатах был толчок, силой 3 балла. Дальнейшие наблюдения показали, что в дни аномального поведения, Лизка предчувствовала землетрясения за 4–6 часов. Однажды ночью, когда семья была в отпуске в Москве, Лизка прыгнула Алексею на грудь. Он схватил ее и пулей выскочил из дома, а через полчаса тряхнуло так, что на улицу выбежали почти все бухарестцы.

С Лизкой пришлось распрощаться, когда по просьбе старшего сына Васи завели щенка добермана, названного Максом. Жизнь, кошки и собаки, не заладилась. По ночам она орала и устраивала драки со щенком. Отдавая сиамку в руки ветеринара, прощались с ней со слезами на глазах. Через какое-то время Алексей выяснил, что она хорошо устроилась в новой семье и имела потомство.

Глава 5

Осень 1990 года в Бухаресте, да и во всей Румынии, выдалась необычайно теплой и продолжительной. Тенистые улочки старого города, парки Хэрэстрэу и Чижмиджиу, а также главная магистраль шоссеу Киселефф изумрудно зеленые летом, осенью облачились в живописный яркий наряд. Никакие известные кутюрье не смогли бы так красиво одеть город. Старожилы не помнили такого буйства красок на каштанах, липах, кленах, дубах и других деревьях, растущих в этой балканской столице. Из всех цветов преобладал красный, именно в эту осень. Похоже, что природа пела свой реквием кровавым событиям декабря 1989 – июня 1990 годов, имевших место на этой земле. Внимательный взгляд безошибочно находил в некоторых парковых ансамблях рисунки траурного венка в переплетении ветвей, окрашенных красками печали. Еще продолжала жить и горечь в душах большинства румын, сыгравших роль статистов в невиданном социально-революционном эксперименте.

Алексей и его семья благополучно съездили в отпуск, навестили своих родных и близких, постепенно отходили от тех событий, потрясших мир, к которым добавилось еще и серия сильных землетрясений в Бухаресте в мае-июне 1990 года. Подобный катаклизм они испытывали в Перу, но в Румынии все оказалось гораздо хуже. Но это отдельная исто-

рия, которую Алексей подробно описал в своем дневнике, к чему мы еще вернемся.

А так стояла живописная осень, и хотелось отвлечься, вырваться из плена печальных воспоминаний. И родилась мысль: почему бы не съездить в Стамбул, бывший Константинополь. К тому же Наталия слыла фанатом всего византийского. В разгар перестройки такая поездка стала возможной, хоть какая-то польза от Горбачева. Железный занавес не пал, но чуть-чуть приоткрылся. Посла убеждали пару дней, и он дал добро.

Ранним утром пятницы 20 сентября 1990 года внутри посольства СССР в Бухаресте царил суета, как в поврежденном муравейнике. Группа из сорока человек собиралась в первое в своей жизни путешествие в страну НАТО. Волнение было на грани. Как все пройдет, что там, что нас ждет? Вопросов была масса, на некоторые не было ответов. И лишь Алексей и его жена сохраняли спокойствие. Им уже удалось поработать в капиталистической стране.

Однако уже в автобусе выяснилось, что в группе туристов есть человек, который знает ответы на все вопросы, в том числе и провокационные. Это был Юра Овсов, пришедший в МИД по парт набору, в посольстве по совместительству занимавший пост секретаря комсомольской организации (так шифровали парт ячейку). Юра был хорошим организатором. Он быстро разбил всю группу на пятерки и назначил старших, которым выдал памятки о правилах пове-

дения совграждан в капстранах. Предложил разработать в группах свою систему сигнализации о провокациях и взаимном контроле в людных местах, таких как Гранд Базар в Стамбуле. На время путешествия предложил ввести сухой закон, но все проголосовали против, кроме Юры и его жены. Исходя из того, что в Турции спиртное будет очень дорогим, Алексей с двумя первыми секретарями посольства еще накануне загрузили в багажное отделение автобуса пять ящиков водки, «на всякий пожарный». Первый «пожарный» наступил еще на территории Болгарии, когда была остановка под легендой «девочки налево, мальчики направо». Однако рельеф местности не позволил дословно осуществить план остановки, и мальчикам пришлось рассосредоточиться по низинам и оврагам, чтобы девочки не смогли заподозрить, что они находятся в поле зрения своих попутчиков. В те годы до границы с Турцией не было ни одной заправки с заведениями, обозначенными известными латинскими буквами. Когда люди стали возвращаться в автобус, кто-то предложил выпить «по пятьдесят», пока не вернулся «партайгеноссе» Овсов. Первая коробка водки опустела минут за пятнадцать. Разгорячившись, народ стал требовать продолжить путь. Закусывали уже на своих местах, весь автобус наполнился ароматами малосоленых огурцов, жареной курицы и котлет. Консул предложил повторить процедуру из опасения, что турецкие таможенники могут конфисковать алкоголь, запрещенный для ввоза. Большинство согласилось

с этой идеей. Автобус сделал остановку в тот момент, когда несколько женских голосов затянули песню «про черного ворона». Печальную сагу о вороне как пулеметная очередь прорезал женский вопль. Кричала жена Овсова, одна из запеваев песни. «Где Юра?» – прокричала она слегка заплетающимся голосом. Оказалось, что «комсомольского вожака» Юры нет в автобусе. Сразу стали выдвигать версии, превалировала та, в соответствии с которой он решил стать «невозвращенцем». Степан, который сколько бы не выпил, всегда оставался трезвым, авторитетно заявил, что Юра не может быть предателем. Они вместе не раз ходили по грибы, и Юра мог просто напасть на грибное место и не в силах был оторваться. Версии звучали наперебой, народ зашумел и не в силах был остановиться. Тишина восстановилась только после того, как помощник военного атташе набатным голосом приказал всем молчать. Что делать дальше он не знал. Тишина затянулась, надо было что-то предпринять. Алексей взял инициативу на себя, все к удивлению подчинились. Мужчины были разбиты «на тройки», и по туристической карте каждая тройка получила свой квадрат поиска. Сотрудник военного атташата предложил взять ножи, противопожарный багор и топор из комплекта автобуса, мало ли что... Захватили еще три фонарика и отработали сигналы переклички.

Солнечный диск медленно садился за невысокие сопки, уступая место сумеркам, в которых еще как-то можно было разглядеть что-то, но не более, чем на метров десять. Зем-

ля глубокими вздохами отдавала влагу, которая в виде тумана застилала низины и овраги. По непонятным причинам раздухарились летучие мыши, летавшие туда-сюда на высоте человеческого роста. Выкрики старших троек «Юра, Юра!» никак не отпугивали жутких тварей, а даже их провоцировали. Главбух посольства небольшого роста, похожий на бочонок человек, не должен был подавать сигнал «SOS» пропавшему Юре. В его тройке был свой старший. Но, видимо, сто грамм русского напитка сыграли свою роль. И главбух визгом резаного поросенка орал не только имя потерявшегося партайгеноссе, но и его отчество и фамилию. От пике первой летучей мыши он смог пригнуться, но вторая исполнила таран прямо между лопаток. Главбух, страшно боявшийся простых мышей, не выдержал пикирующего удара и упал. Он не понял, что случилось, но с диким криком – «наших бьют» побежал в сторону леса. Две соседние тройки устремились за ним. Вот здесь то и пригодился противопожарный багор. Помощник военного атташе с ловкостью копьеметателя кинул багор так, что он врезался в сосну на уровне пояса и стал как бы шлагбаумом на пути бегущего. Главбух упал и лежал тихо до появления его супруги – делопроизводителя посольства. Багор впился в сосну с такой силой, что его вытаскивали вдвоем.

Тем временем атташе посольства, имевшего третий юношеский разряд по альпинизму, осенила мысль. Почему бы не влезть на сосну и с высоты посветить фонариком, давая сиг-

нал Юре. Багор пригодился вторично. Атташе использовал его как альпинистский топорик и быстро вскарабкался на высокую сосну. Под крики «Юра, Юра!» он стал светить им в разные стороны. Идея сработала, и вскоре появился «комсомольский вожак» с двумя пластиковыми пакетами полными грибов. Он объяснил, что увидев отъезжающий автобус, пытался бежать, но не тут то было. Грибы же собрал, чтобы обеспечить себя хоть каким-то кормом.

Жена Юры, опытная домохозяйка, сразу предложила сушить грибы на двигателе Икаруса. Эта идея понравилась не всем. Одни выступали против запаха, который может вызвать аллергию. Но железобетонным аргументом стала позиция офицера безопасности, который сказал, что турецкая таможня расценит связки сушеных грибов за некие наркотические средства. В те годы, спорить с офицером безопасности, было не принято.

Автобус плавно катил по турецкой территории, поражая не спавших туристов обилием ярко освещенных АЗС с «шопами» и бесплатными туалетами. Ровность асфальта и плавность поворотов вогнали всех в крепкий детский сон. И только два технических сотрудника на заднем сиденье резались в очко на турецкие лиры, которые обменяли на границе.

Алексей проснулся от того, что в глаза как солнечный зайчик светили лучи восходящего солнца. Автобус был припаркован в начала брусчатой мостовой улицы, уходящей куда-то вверх. Мимо автобуса по брусчатке цокали копыта то

ли козла, то ли козы, которую вел на поводке пожилой турок в эфеске и шальварах. Шейный колокольчик позванивал в такт копытам. Взглянув чуть выше, Алексей увидел вывеску «Эчзане» или «Фармасия», по-европейски. Около вывески по-турецки сидел толстый турок. Ну, прямо как в фильме «Бриллиантовая рука», подумал Алексей, не зная, что его ждут испытания похлеще героев фильма Гайдая.

Алексей потихоньку вышел из автобуса и направился к «Фармасии». Пока он шел в гору, толстенький турок исчез, а вместо него появился парнишка лет пятнадцати, он стал делать нашему протагонисту какие-то «зазывальные» знаки. Алексей оглянулся, вокруг не было ни души. Значит, эта жестикуляция обращалась к нему. Взгляды их встретились, мальчишка подбежал и стал тянуть Алексея в открытую дверь, видимо жилого помещения, справа от входа в аптеку. Алексей застыл как вкопанный, опасаясь, что его может ждать самое худшее для советского туриста. Это опасение также возникло из сцены фильма Гайдая, когда Семен Семеныча Миронов с трудом вырвал из объятий знойной турчанки. Парень успокоился только после того, когда получил несколько лир отступных. Главное, что смог выяснить Алексей – это месторасположение туалета, что собственно он и хотел выяснить у первого встречного. Слово «туалет», по-турецки, Алексей специально заучил еще в Бухаресте, зная, что эта проблема всегда сопровождает туристов, где бы они не путешествовали. Оказалось, что заучить его было не

сложно: что по-русски туалет, по-турецки – тувалет. Это не «эчзане», что означает аптека. Или «дурак», что переводится – остановка, не говоря уже, что «бардак» – это просто стакан.

Автобус понемногу просыпался. Кто-то по аристократической привычки заявил, что хочет выпить чашечку кофе, а большинство, разбудив руководителя группы Юру Овсова, стали требовать визита в туалет. Не зная, что ответить и пытаясь потянуть время, «партайгеноссе» сказал, что сам еще не созрел. На это буфетчица Клава заявила, что лично будет жаловаться в большой партком. Алексей решил, что Юру надо спасти.

По узкой улочке за Алексеем растянулась шеренга человек из двадцати. Дошли до небольшой АЗС, состоявшей из двух колонок, но имевшей заветное помещение. Женщины безразлично осмотрели данный объект и заявили, что им это не подходит. Таким образом, в бой пошли одни мужики.

Но Алексею уже было не отвертеться. Под натиском дам он за десять лир и полпачки «Ротманса» выяснил у владельца заправки координаты другого подобного объекта. Хорошо, что этот турок знал по-английски такие слова как направо, налево и поворот. Снова двинулись в путь, но уже в другом гендерном составе. Алексей интуитивно считал, что миссия будет сложно выполнима.

Это тема не для серьезной книги, но «туалетная проблема» превратилась в некий триллер, о котором не хочется умолчать.

Словно вылитый из золота солнечный диск медленно вылезал из моря, чтобы окончательно разбудить многомиллионный город, единственный в мире расположенный на двух континентах: в Европе и Азии. Стамбул, в прошлом Константинополь, простирался на площади равной двум территориям Москвы или шести – Киева. Улицы и проспекты заполнялись транспортом прямо пропорционально восходу солнца. Чем выше поднималось Светило, тем плотнее становились автомобильные пробки. Гигантский мост через Босфор, связывающий Европу с Азией, почти полностью был заполнен транспортом, что издавала тревожное впечатление. Царившая там какофония из сигналов автомобильных клаксонов заставляла поежиться. А вдруг мост не выдержит?

Центральная площадь Султан Ахмед готовилась к приему тысяч туристов. Ведь здесь расположены: Собор Святой Софии, построенный в рекордные три года около полутора тысяч лет назад, и гордость мусульманского мира Голубая мечеть. Окружавшие площадь многочисленные кафе и рестораны наводили лоск. С шампунем промывалась брусчатка, выставлялись наружу столики и стулья. Громадный район благоухал свежееиспеченным хлебом и вызывающим слюну жареным кебабом, или гирсом, как называли это блюдо в Византии. Все стамбульские достопримечательности готовили праздник для туристов из разных стран.

Однако Алексею, а более всего сопровождавшим его да-

мам, было не до праздника. Им бы поскорей дойти до цели. И вот наконец вздох облегчения. Алексей быстро обошел искомое заведение, но к сожалению понял, что здесь тоже нет дамской комнаты. Необходимо было проявлять смекалку. Он сразу скомандовал своим подопечным перекрыть вход и никого не впускать. Сам вошел внутрь и убедился, что заняты всего две кабинки. Это облегчало спецоперацию. Закурил, чтобы табачный дым сыграл роль освежителя воздуха. Не успел докурить, как открылись занятые кабинки, и два усатых турка стали пробираться к выходу. Алексей сам им открыл входную дверь и понятными жестами стал им показывать, чтобы они убрались побыстрее. Но на улице турки застыли при виде десяти белых красавиц. Тогда наш герой объяснил им, что это его «гарем», дал пачку сигарет, и правоверные нехотя удалялись, постоянно оглядываясь, давая понять, что скоро вернуться. Работа закипела, особенно тогда, когда ее долго ждали. Алексей решительно встал перед закрытой дверью. Однако через пару минут подошел очередной посетитель и никак не мог понять, почему какой-то белый его не пускает. Слово «гарем» турка озадачило. Пришлось угостить его сигаретой, чтобы потянуть время. Стали курить и перемигиваться. Турку это понравилось. Он даже стал улыбаться. В этот момент дверь резко распахнулась, больно ударив ручкой Алексею в предплечье. Глаза выскокшего «метр с кепкой» мужчины были наполнены ужасом. Он, как пулемет что-то бормотал и одной рукой держался

за сердце, а другой никак не мог застегнуть zipпер. Потом он упал на колени и стал молиться. Подбежали двое прохожих и с агрессией смотрели на Алексея. Алексей тоже как молитву забормотал «гарем, гарем»... Похоже, что он смог выиграть несколько драгоценных минут и избежать того, что могло привести к скандалу. Про «гарем» ему никто не верил.

Далее весь день был насыщен плотным графиком экскурсий, осмотрели все основные достопримечательности Стамбула. Их описание не является темой данного рассказа. Тем более никаких остросюжетных историй больше не произошло. В Бухарест группа вернулась в полном составе. По приезде офицер безопасности крепко «накатил» на радостях, что в стране НАТО крупных ЧП не случилось.

Глава 6

Апрель в Бухаресте – золотое время года. Все зеленым зелено, аромат розового масла почти на каждом шагу. Слава Богу, что он не аллерген. Живи и наслаждайся. Так думалось всем. Прошел год с тех пор, как страна зажила в условиях демократии. Но все спокойствие лежало на поверхности. Под ковром, как под кратером вулкана, кипели страсти, плелись интриги и заговоры.

Конечно, президенту Илиеску было далеко до господаря Влада Цепеша или (Дракулы), как до Луны. И на кол не посадить, и в пропасть не скинуть кое-кого из политических врагов. Что-то назревало.

Во времена Горбачева, как сорняки весной, стали выплывать на поверхность всякие гороскопщики, шаманы, ясно-видящие и другие умельцы запудрить мозги. Один из таких «гуру» прибыл в Бухарест, и ему даже дали возможность выступить в клубе посольства. Он много рассказывал о знаках Зодиака, о влиянии светил на все живое, включая червяков. Сделал многочисленные прогнозы о событиях в мировой политике, и все выглядело складно. Но, не сбылось. А для Румынии, вообще, предсказал «рай земной» в 1991 году. Он извинился перед дипломатами и пояснил, что он не может раскрыть секрет своих расчетов. Просил поверить на слово. Так как эти цифры, что слева направо, что наоборот, дают

одинаковый результат, а это означает – символ счастья и радости. Это понравилось кое-кому из руководства торгпредства, и предсказателя хорошо покормили и даже одарили подарками.

Один из ретивых первых секретарей, основываясь на выводах «гороскопщика», написал прогноз ситуации в Румынии для доклада в МИД. Но посол благоразумно положил эту телеграмму «в стол». И как показали дальнейшие события посол оказался прав. Опыт, как говорится, не ... Но об этом позже.

Алексей отложил дневник, где страница с описаниями событий 14 июня оставалась открытой. В душе Алексея эта рана тоже еще не зарубцевалась. Мозг периодически прокручивал события на университетской площади, особенно во сне. В те годы советскому человеку непривычно было увидеть такое. Но кто мог предсказать то, что случится в СССР несколько позже. И развал империи, и Чечня. Бухарест отдыхает ...

Об этом Алексей и мыслить не мог, он еще оставался в реалиях румынских трагедий, а новый катаклизм подбирался незаметно.

Глава 7

Как всегда, уроки курса мировой художественной культуры в средней школе при посольстве СССР в Румынии проходили при полном аншлаге. На эти уроки активно просились и дети дипломатов других социалистических стран, аккредитованных в Бухаресте. Накануне посол Чехословакии очень настойчиво попросил директора школы Малонета, чтобы он провел на урок популярного учителя МХК своего внука – фаната искусства эпохи Возрождения. Директор советской школы очень переживал за то, чтобы внуку понравилось на уроке, и чтобы дед снова обратился к нему с аналогичной просьбой. Школьный директор всю жизнь мечтал посетить всемирно известный курорт Карловы Вары и сознавал, что мостик туда лежит через внука чешского посла.

Резкий звонок известил об окончании перемены, и ручейки ребятишек потекли в классы. Через открытую дверь своего кабинета директор школы наблюдал за тем, как учитель МХК Наталия походкой дамы, окончившей Смольный, входила в класс истории и обществоведения. Повезло ее мужу, с завистью подумал директор, и через некоторое время подошел к дверям этого класса. Войдя в классную комнату он тепло поприветствовал Наталию и представил ей маленьких гостей ее урока. Незаметно он прошептал учителю, что надо выложиться на двести процентов, это очень важно для

школы. Выйдя в коридор он по-прежнему ощущал нежный аромат ее французских духов, и почему-то ему вспомнилась собственная жена, до сих пор использовавшая духи «Красная Москва».

Тем временем Наталия каллиграфическим почерком написала на доске тему урока на русском и английском языках (с переводом как всегда помог муж-полиглот). Тема гласила: «Флоренция – Родина Возрождения».

Лекция о шедеврах эпохи Возрождения настолько увлекла Наталию, что она не сразу обратила внимание на то, что в классе не все в порядке. Дети как-то странно ерзали за партами, зажимали носы, сопели. На правах новенького самым смелым оказался внук чешского посла.

– Пани учитель, пани учитель, – быстро проговорил он, показывая на открытое окно и сопя носом. Тут Наталия, с детства обладавшая исключительным обонянием, почти как у охотничьей собаки, поняла, что в класс проникает резкий посторонний запах. У нее зачесались глаза и выступили слезы. Бросив указку, она кинулась к окнам и стала закрывать их на шпингалеты. Она взглядом обвела класс и увидела, что несколько детей находятся в полусонном состоянии. Нашатырь как всегда пригодился. Она первой из администрации школы забила тревогу, и скоро вся школа погрузилась в бестолковую беготню, закрывая жалюзи и двери. Завхоз, в прошлом зам комвзвода химзащиты сразу определил, что школа подверглась атаке слезоточивым газом, и включил систе-

му принудительной вентиляции. Телефоны разрывались от звонков в посольство, там подтвердили, что тоже чувствуется посторонний запах, но источник его происхождения пока не определен.

В тот самый момент Алексей крутил руль семерки, возвращаясь с важной встречи в городе. Еще издали он обратил внимание, что на площади Авиаториул, возле Дома Правительства, не все в порядке. Навстречу бежали люди с плакатами монархистской и цэрэнистской (крестьянской) партии. Срывающимися голосами они скандировали «Жос Илиеску, Скимбаря, Скимбаря (перемены)». Часть из них обвязала нос платками, кто платков не имел падали на газон и дергались в судорогах. Полицейский ОМОН в респираторах распылял слезоточивый газ и размахивал дубинками. Дубовые двери Дома правительства с мозаикой (резьбой) на карпатские темы были раскурочены, кругом валялись фрагменты отделки дубовой парадной. Из здания правительства полиция выводила с расквашенными лицами задержанных, которые пытались кричать «скимбаря, скимбаря» ... Толпа в несколько тысяч человек отступала и освобождала правительственный квартал. Так произошла прелюдия к более драматическим событиям той весны ароматов роз с привкусом слезоточивого газа.

Глава 8

Боинг 777 компании Юнайтед Эрлайнс приготовился к посадке в аэропорту «Отопень». Видимость была скверной, на взлетно-посадочной полосе кружилась февральская вьюга. Порывы ветра пригибали верхушки деревьев близлежащего леса так, что казалось вырвут их с корнем. Снегоуборочная техника не справлялась с очисткой полосы, и диспетчер предложил командиру воздушного крейсера, флагману американской гражданской авиации, уйти на запасной аэродром в Софию. Но это не входило в планы экипажа, и была предпринята вторая попытка захода на посадку. Чувствуя что-то неладное, заволновались пассажиры.

Один из них, сидевший в супер кресле первого класса, неотрывно смотрел в иллюминатор. В его авиабилете имелась лаконичная запись: «Тони Свитдримс», а его дипломатический паспорт давал право беспрепятственно проходить все возможные контроли в аэропортах. В графе должность имелась запись: «старший советник посольства США». Любуясь выкрутасами вьюги на земле он тоже нервничал. Но принадлежность к всемогущему ЦРУ заставляла держаться невозмутимым. Тони возвращался из короткой командировки в Вашингтон, где в Лэнгли состоялось совещание резидентов ЦРУ стран Восточной Европы.

Не отрываясь от видов в иллюминаторе Тони мрачнел, его

настроение ухудшалось в квадрате. Он вспомнил, как ему пришлось краснеть, когда директор ЦРУ перешел к оценке положения в Румынии. Резидент ЦРУ в Бухаресте подвергся критике за то, что принесенной на блюде американцами революции 1989 года, по-прежнему пользуется коммунист Илиеску, находясь под покровительством Горбачева. Хозяин Лэнгли привел в пример Тони Свитдримсу настойчивую работу московской резидентуры ЦРУ, которая находится в шаге от того, что либерал Ельцин отправит Горбачева на пенсию, а возможно и развалит СССР. Тони нечего было возражать.

В таком настроении он возвращался в Бухарест, понимая, что ставленник Запада премьер-министр Петре Роман – не Ельцин, а Илиеску – ему не по зубам. Миллионы долларов на поддержку румынских либералов оседали в карманах близкого окружения Романа.

– Да кто такой, собственно, Петре Роман? – рассуждал Свитдримс.

– Какой он к черту боец с таким комфортным прошлым? Тони закрыл глаза и мысленно открыл досье на Романа.

Родился в Бухаресте в 1946 году, в семье ортодоксальных коммунистов. Мать испанская еврейка, отец румын, тоже еврей. В годы Второй мировой войны родители Романа работали в Москве на радио Коминтерна. В 1945 году после установления в Румынии коммунистической диктатуры супругов Роман перевели в Бухарест для организации веща-

ния социалистической пропаганды на Испанию. После гимназии, где Петре учил также русский язык, он поступил, а через пять лет закончил энергетический факультет политехнического университета в Бухаресте. С 1971 года продолжил научную работу в университете Тулузы во Франции, преподавал там в трех университетах. Проживая во Франции, попал в поле зрения «Сюрте насьональ» и ЦРУ. Выразил желание бороться за установление демократии в Румынии и готовность участвовать в свержении режима Чаушеску. Коротче говоря, проблем с Петре Романом американцы не испытывали.

Тони Свитдримс вспомнил, как в декабре 1989 года доставили Романа, как чертика из табакерки, и ввинтили во Фронт национального спасения под крыло Иона Илиеску. Все бы ничего, но у Запада оказалась «короткая скамейка», а против Романа и его команды противодействовала старая номенклатура, сплотившаяся вокруг Илиеску.

На совещании в Лэнгли резидент ЦРУ в Бухаресте не стал озвучивать свой прогноз о скорой отставке Петре Романа. Не так бы все поняли. Он заверил шефа, что резидентура располагает средствами для расшатывания позиций президента Илиеску. Организуем и митинг нон-стоп, и демонстрации, но по любому, как глава исполнительной власти, премьер-министр окажется крайним.

Шасси Боинга наконец-то коснулись ВПП, и загорелось на табло «отстегните ремни».

Глава 9

Алексею не спалось. Накануне, с представителем ССОДа Николаем они долго просидели у атташе по культуре посольства, обсуждая командировку к липованам, которая должна была состояться год назад. Тогда ее реализации помешали события на Университетской площади, и разгон митинга шахтерами. Атташе по культуре был не против поездки к липованам, но в его позиции чувствовалась неуверенность.

– Николай, ну ты же видишь, какая ситуация в столице. Постоянные демонстрации у Дома правительства, попытки штурма здания радикалами, полиция не справляется. Президент Илиеску очень обеспокоен, Москва тоже нервничает. А премьер Петре Роман только подбрасывает, так сказать дрова в топку. Затеял не ко времени в угольно-добывающей промышленности реформы. Закрывает шахты, сотни шахтеров оказались без работы. Да, что я вам говорю, вы не хуже меня знаете. Посол боится усиления напряженности. А здесь два ценных работника в отъезде за сотни километров.

Николай с Алексеем слушали, не перебивая, но все-таки настояли на своем. Обещали через три дня вернуться.

Сон так и не приходил. Алексей вышел на балкон, свежий весенний воздух пьянил. Его прозрачность позволяла видеть эту часть города на далекое расстояние. Взору открывалась Шоссяу Киселеф. Не до конца распутившаяся

листва столетних лип позволяла рассмотреть многие детали обычно скрытые зеленым массивом. Вот – комплекс резиденции американского посла, морские пехотинцы даже ночью обходят периметр. Справа, через шоссе, здание посольства СССР. Охрана из сотрудников румынской полиции уютно устроились в будках и, видимо, спят. Левее – школа при советском посольстве. Свет не горит. Только в цоколе здания освещено окно каптерки завхоза. Вероятно, как всегда, с физиком и географом расписывают пульку. Везде тишь, да гладь. Алексей хотел уже вернуться в спальню, как боковым зрением почувствовал какое-то нарушение полусонной идиллии. Метрах в ста за школой, в двухэтажном особняке, двор был освещен, и вокруг коттеджа царила необычная движуха. От офицера безопасности Алексей знал, что этот особняк арендует резидент ЦРУ в Бухаресте. Для «безопасного» такое соседство главного цэрэушника с советскими объектами было постоянной головной болью. Он, конечно, предпринимал кое-какие меры. Например, на школьных линейках и других подобных мероприятиях, включались на максимальную громкость пионерские марши и песни, а динамики разворачивались в сторону «плохого» особняка. Пытались делать что-то еще, но все безрезультатно.

Эта странная суета: приезд и отъезд бронированных джипов, насторожила Алексея, и он решил с утра пораньше скинуть эту информацию «безопасному».

Согнав сиамскую кошку Лизку со своей кровати Алексей

покрутился, повертелся и провалился в глубокий сон.

В моменты полного расслабона Алексей часто видел сны о ситуациях, которые частично случались, но в конце закачивались так плохо, что это могло бы быть, но никогда не случилось. Он знал, что означает «сон в руку», но сам с этим не сталкивался. Сейчас ему снились соляные пещеры недалеко от Плоешти, куда пару месяцев назад он ездил на экскурсию. Он где-то читал, что соль в тех местах начали добывать еще даки в период Римской империи. В семидесятых годах соляные шахты закрыли и организовали доступное массам посещение этой достопримечательности. Особенно это место – пещера Сальник (глубиной 120 метров, протяженностью около одного километра) – стало популярным среди астматиков и тайных сектантов, считавших, что Бог сотворил их из «соли Земли». Они там проводили свои шаманские ритуалы и приносили мифические жертвы.

Алексея судьба забросила в соляные пещеры благодаря тому, что посол поручил ему важную миссию. Надо было сопроводить в пещеры высокого гостя из Москвы – сотрудника административного отдела ЦК. Им оказался Федор, который заранее «голубиной почтой» предупредил его не показывать виду, что они знакомы. Расслабились только в машине по пути к пещерам.

– Алексей, не обижайся, я тебя и здесь поэксплуатирую. Ты человек надежный и проверенный. И сам понимаешь, от прожектора Старой площади никуда не скроешься. Про ка-

рающий меч я уже и не говорю.

Оба дружно засмеялись, и Федор дружески похлопал Алексея по плечу. Затем Федор доверительно рассказал, что реформы Горбачева буксуют, ему уже никто не верит. Ельцин набирает силу, и грядут великие потрясения.

– Столыпина на них нет, – и Федор смачно выругался.

– Что будем искать в соляных пещерах или что-то прятать? – пытался прозондировать ситуацию Алексей.

– Ни то, ни другое. Видишь, впереди деревня, при въезде – корчма. Высадишь меня за поворотом и гони прямо по шоссе, через час вернешься. Потом – пещеры и цуйка с мамалыгицей. Энтъендес? – перешел на испанский Федор.

– Комо но, сеньор (так точно сэр), – с улыбкой ответил Алексей.

Сон прервался от того, что Алексея как будто обухом огрели. Это сямка Лизка прыгнула ему на грудь и замяукала. Через пару минут кровать слегка подпрыгнула.

– Что, опять толчок, – сонно прошептала жена?

– Успокойся, не сильный, – полусонно буркнул Алексей, нежно обняв ее за плечи и поцеловав.

Снова нахлынули воспоминания.

Экскурсия в соляные пещеры оказалась делом непростым. Пришлось ждать почти час, пока не собралась группа из двадцати человек. Собственно, это количество нужно было для того, чтобы заполнить по максимуму лифт, марки Сименс,

произведенный в двадцатых годах прошлого столетия. Как объяснил гид, низкая стоимость билетов не окупала затрат на эксплуатацию лифта. Гонять порожняком было не выгодно.

Скрипучий спускаемый аппарат нехотя двинулся вниз. Плотнo стоявшие друг к другу люди почему-то резко напряглись, и естественно их дыхание участилось. Сразу почувствовалась нехватка кислорода. Движение лифта замедлилось, хотя спустились не более, чем на семьдесят метров. Всего же глубина шахты составляла около ста двадцати метров. Лифт остановился. Никто не мог понять причину. Наступило гробовое молчание. Наконец, по громкой связи передали, что произошла авария на линии электропередач. Для запуска генератора потребуется минут десять. Всех попросили сохранять спокойствие.

Прошло десять минут, лифт стоял как мертвый.

– Что будем делать, амиго, не нравится мне эта ситуация. Я немного клаустрофоб, – с небольшим напряжением произнес Федор. Короче, я сам заварил эту кашу, надо же было придать какой-то смысл поездке в эту деревню. «Враг хитер и коварен ...».

Несмотря на связность речи, в интонации Федора была заметна легкая паника. Наверное, есть более сильные причины, кроме клаустрофобии, подумал Алексей. Лифт внезапно качнулся, и всех пассажиров по инерции повело вправо. Федор, получивший дополнительное ускорение от своего сосе-

да – румына, почти лег правым боком на Алексея. И Алексей почувствовал, что в правом внутреннем кармане пиджака своего спутника как будто кирпич лежал. Видимо, документы, сразу понял Алексей.

Сбоку что-то резко скрипнуло и лязгнуло. Лифт чуть-чуть накренился на левый бок. Металлический хруст снова привлек внимание. Седой мужчина в возрасте крепко прижал к себе мальчика лет семи.

– Это трос расплетается, как-то буднично произнес он.

К счастью, никто кроме Алексея, не обратил внимания на слова старика. А прошло уже двадцать минут после остановки лифта. Если начали лопаться струны в тросах лифта, это может стать началом необратимого процесса. Надо поговорить со стариком, может вместе просчитаем возможное время живучести тросов, он похоже в этом разбирается. Только Алексей хотел подойти к деду, как лифт, как сугроб весной, как бы просел почти на метр. И вот уже многие увидели, что один трос из десяти полностью лопнул.

Сказать, что началась паника, это ничего не сказать. Пассажиры засуетились в бездумном броуновском движении. Кабина стала раскачиваться. Люди, стоявшие на дне пещеры и с такой высоты похожие на муравьев, тоже включились в это действо. Они думали, что группа туристов раскачивает лифт ради прикола, и начали махать руками, выражая свое восхищение действиям смельчаков.

В кабине, тем временем, паника стала неуправляемой.

– Алексей, надо срочно что-то делать, скомандовал Федор.

Вспомнив занятия по строевой подготовке на военной кафедре института, Алексей железным голосом командующего парадом на Красной площади крикнул:

– Взвод, смирно, всем молчать, – он произнес это на румынском и английском языках, может быть, подобрав не те слова. Но неожиданный командный голос произвел эффект «ушата холодной воды». Все моментально стихли.

Тишина продолжалась несколько секунд. Ее нарушил спокойный, но твердый, в стиле Левитана, голос пожилого румына с внуком.

– Братья мои и сестры, я – в прошлом мастер по эксплуатации лифтов, произнес он, как профессор, начинающий лекцию.

Взгляды всех туристов устремились в его сторону.

– Я приблизительно рассчитал, что поскольку струны в тросах начали лопаться, этот процесс уже не остановить. Даже если кабина будет стоять, как вкопанная, это не решит проблему. Он не успел закончить фразу, как лопнула еще одна струна, и ее оторванный конец впечатался в окно кабины лифта. Стекло пошло узорами и рухнуло вниз. К счастью, осколки никому не причинили вреда.

– Если будем стоять спокойно, продолжил бывший мастер по лифтам, – до критического момента, когда тросы не выдержат веса кабины, мы имеем максимум полчаса. При этих

словах одна полная женщина свалилась без сознания, лифт качнулся, и все услышали, как разом лопнули три струны, и кабина накренилась на правый бок.

Федор толкнул в плечо Алексея и показал на ящик в углу кабины. Друзей осенило моментально, что ящик надо вскрыть. Внутри оказался канат. В трех других углах кабины тоже оказались ящики, и только в одном канат отсутствовал. Прикинули, что если канаты связать, то до земли не хватит метров пять.

То, что с лифтом происходит что-то неладное, привлекло внимание людей, находившихся на дне пещеры. Пожилой румын с внуком что-то быстро написал на бумаге, запаковал записку в банку из-под каких-то лекарств и бросил вниз. Тем же профессорским голосом он пояснил, что попросил соотечественников в пещере из рюкзаков, одеял и других подручных вещей сделать площадку для приземления пассажиров лифта. Нашелся в кабине и бывший моряк Дунайской флотилии, который морскими узлами намертво связал канаты.

Энергичные действия Алексея и Федора помогли осуществить быструю эвакуацию. За неполных пятнадцать минут все горе-туристы оказались на дне пещеры и, часто вздыхая, приходили в себя. Федор со сноровкой моряка «линкора» скользил по канату и еще успевал отдавать Алексею последние рекомендации, так как увидел, что струны тросов лопаются одна за другой. Алексей, имея меньшую массу, скатился вниз со скоростью переспевшего яблока, падающего с яб-

лони. Не успели его ноги коснуться земли, как он услышал приказ своего друга:

– Беги, «ноги в руки», на меня.

Наверху что-то скрипнуло, заскрежетало, и через пару секунд кабина рухнула на землю, спровоцировав настоящее «цунами» из мириадов соляных песчинок. Когда соляная пыль улеглась на землю, Алексей увидел, что все, кто находился в пещере, лежали на земле, а те, кто не успел далеко убежать от эпицентра, были полностью покрыты соляной пылью, как подмосковные березки первым липким снегом.

Гробовое затишье длилось недолго, и все пассажиры лифта, кроме одной женщины, подвернувшей ногу, подбежали к друзьям из СССР и, обнимая их и целуя, стали выражать свою благодарность за спасение от того, что могло стать последним турпоходом в жизни. У кого-то нашлась цуйка (румынская ракия) и кое-какая закуска. Общее веселье нарушило объявление по громкой связи. Всем находящимся в пещере сообщили, что в течении часа спасательный отряд шахтеров организует люльку для подъема всех наверх. Люлька рассчитана на пять человек, поэтому рекомендовали заранее разбиться на пятерки, чтобы избежать давки и хаоса. Взгляды румын почему-то обратились на советских представителей. Единогласно попросили их взять команду на себя. Федор слегка подтолкнул Алексея в бок и сказал:

– Вспоминай, почему в институте тебе присвоили звание младшего лейтенанта.

Алексей на самом деле был лучшим по строевой подготовке на военной кафедре института. Ее начальник, полковник Вишняков, как-то сказал Алексею, что он мог бы служить в Кремле в роте почетного караула. Алексей намек понял, но решил посвятить себя другому делу.

Румыны, как стадо овец, сгруппировались вокруг друзей и начали заметно нервничать. Всем хотелось быстрее выбраться наружу. Наступил «момент личности» в этой конкретной истории.

И как на плацу, прогремела команда:

– Дети и женщины – ко мне, – по правую руку, мужчины – стройся по росту, по левую.

Женщин с детьми оказалось ровно пятнадцать, Алексей разбил их на пятерки. Назначил старших пятерок и дал команду: «вольно, оправится». Мужчины долго тыркались, не зная кому куда встать. Здесь Алексею пришлось повисить голос и даже взять палку, эффект присутствия которой оказал умиротворяющее действие. Разбил на пятерки, назначил старших. Старших записал пофамильно и, «на всякий пожарный», попросил указать места работы. Румыны стали вести себя дисциплинированно и лишних вопросов не задавали.

Федор незаметно подошел к Алексею, взял его за руку и отвел подальше от румын.

– А сейчас, мой дорогой, не задавай вопросов, а выполняй мои команды. То, что мы будем делать сейчас несложно, а смысл я тебе подробно объясню потом, когда выберемся на

поверхность. Понял?

– Да вопросов нет.

Так вот, Леша, времени у нас в обрез, скоро, видимо, шахтеры подвезут люльку, и мы не успеем сделать то, что мне поручили в Москве. Значит так. Объясни румынам, что мы впервые в этой шахте и хотим сделать беглый осмотр. Без этих пояснений они будут относиться к нам с подозрением.

Алексей созвал старших пятерок и попросил не разбредаться по пещере, чтобы быть максимально готовыми к эвакуации. Румыны типа «взяли под козырек». Они, внешне с пониманием, отнеслись к желанию русских осмотреть пещеру и стали заниматься своими делами.

Когда друзья остались одни, Федор предложил осмотреть пещеру по периметру, по часовой стрелке.

– А что мы ищем?

Движением бровей Федор показал, чтобы Алексей не продолжал разговор. И только убедившись, что они находятся достаточно далеко от румын, сказал:

– Я специально удалился, так как понял, что некоторые румыны хорошо понимают русский язык, и это неудивительно. Столько лет под нашим внешним управлением. Так вот, мой друг, нам надо найти на стенах шахты, на высоте человеческого роста символ Метростроя. Это знакомая тебе буква «М» в круге. Со временем она скорее всего покрылась соляной пылью, достаточно липкой, и может быть еле заметна. Это пока все, что я могу тебе сказать.

Алексей подумал, что Федор опять в своем репертуаре. Такие же загадки, как и в перуанских Андах. Но уточнять ничего не стал.

Когда пошли по периметру пещеры, стало понятно, что она не такая маленькая, как показалось вначале. Стало ясно, что там не один, а несколько залов, в которых то тут, то там возникали ответвления, похожие на короткие коридоры. Пригодилась и палка, с помощью которой друзья поняли, что входы в коридоры были засыпаны недавно. По ходу движения Федор делал многочисленные снимки на американский Кодак. В одном из коридорчиков увидели еле заметную дырку или отверстие, из которого тянуло прохладным воздухом. Алексей предложил копнуть, но Федор резко его остановил. Движением головы он показал, что они не одни. Боковым зрением Алексей увидел человека, которого в их лифте точно не было. Он сделал вид, что в сторону русских не смотрит. И тут Алексей чуть не вскрикнул «Эврика». Тень незнакомца чуть отконтрастировала часть стены пещеры, на которую, со стометровой высоты, из купола центрального зала шахты, падал солнечный свет. Там проглядывались контуры буквы «М».

Глава 10. Срединная пирамида

Нежный предзакатный ветерок пробивался в салон машины через полуоткрытое стекло водителя. Он затейливо взъерошивал волосы водителя и пассажира и заносил с собой ароматные запахи с кукурузных полей и сочные ароматы свежей зелени с крестьянских огородов. По дороге то тут, то там у калиток изб и редких кирпичных домов стояли ведра с яблоками, пирамиды помидор и «гогошар». Цены вызывали только улыбку.

Федор попросил остановиться у развала гогошар и спросил Алексея, что это за фрукт такой, и с чем его употребляют. В ответе сразу прозвучали все рецепты жены. Она гогошары и мариновала, и запекала для икры по-севастопольски, и делала фаршированный гогошар с сыром и горьким перцем, а также заготавливала разносол что-то, наподобие сербской печеной паприки. Федор присвистнул и купил пять килограммов для Москвы. Пока все укладывали в багажник, московский гость незаметно проस्कанировал обстановку на 360 градусов. Удивлению Алексея не было предела, когда Федор попросил ключи зажигания и сел на место водителя. В машине он негромко сказал:

– Похоже за нами хвост, один из «наружников» смахивает на мужика, стоявшего рядом с отметкой «М» в пещере. Сейчас мы это проверим. «Давно не брал я в руки шашки», –

закончил он словами классика.

Семерка с дипломатическим номером резко рванула вперед, образовав за собой облако из пыли, которое полностью накрыло гору из помидор. На двухрядке «игра в шашечки» долго не получалась, большегрузы и фуры двигались с малой дистанцией. Но когда выехали на автобан, ведущий в Бухарест, ситуация прояснилась на сто процентов. Все движения «Лады» как в зеркальном отражении повторял маленький, но шустрый «Олтсит». Его маневренность и быстрый набор скорости так удивили Алексея, что он даже вскрикнул:

– Не может быть!

– Может, Леша, может, прокомментировал Федор, – у него сзади две выхлопные трубы торчат, значит, движок форсированный. На твоём «совавтопроме» мы от него не оторвемся.

– Вот дела, – уныло отреагировал Алексей. То есть в городе мы поужинать, а главное поговорить не сможем. С нами будут незваные гости?

– Ну, анализировать ты не разучился, все-таки Дипакадемию закончил, – и Федор издал иронический смешок.

– Ну, куда нам до вас, «небожителей» со Старой площади, и оба по-армейски заржали. Ладно Леша, сейчас приедем в посольство, мне ваш посланник предложил услуги повара посла, так что там и поужинаем. Ты знаешь, я живу в посольском люксе, но девочек нам никто еще не обещал.

– А что, – подмигнул Алексей.

– Коллега, отставить юмор, мы при исполнении. И снова разразился дружный хохот. Так видимо выходил накопленный в пещере стресс.

Для гостя из Москвы повар постарался на славу. Была и осетрина, и черная икра, всякие соленья, в том числе и из гогошар. А на горячее – судак с жареной картошкой. Стол неприметно украшала холодная со слезой бутылка «Посольской». Аппетитно поели, а под кофе и гаванскую сигару Федор начал свой рассказ. Когда Алексей писал эти заметки в дневнике, в связи с необычностью темы, некоторые даты и факты могли быть слегка неточно отражены, но в целом все выглядело так.

– В конце 15 века, когда испанская королева Изабелла подписала указ о депортации из Испании всех евреев, то по миру расплодилось внушительное количество предприимчивых и изобретательных людей. Они в первую очередь искали новые пространства для проживания. Говорят, что Христофор Колумб был одним из них. Под его знаменами было много изгнанников из Испании, которые позднее активно участвовали в конкисте Американского континента. Они входили в отряд Кортеса, который на территории современной Канады и на Аляске искал загадочное королевство Сигинеи. Местные индейцы подтверждали, что такое королевство когда-то существовало, что там проживали высокие блондины с голубыми глазами. Они также внезапно исчезли, как и появились. Большого конкистадорам Кортеса получить от

них не удалось. Тем не менее поиски загадочного королевства продолжались. В 1540 году французские колонизаторы пленили вождя индейцев, проживавших на территории современной Канады, и даже привезли его в Париж. Но вождь также не пролил никакой ясности о местоположении Сиги-неи.

Федор перевел дух и отпил немного минеральной воды, Алексей заинтересованно ждал продолжение рассказа.

– Да, кстати, ты мне еще в Перу рассказывал, что в этнографическом музее города Писко имеются какие-то свидетельства о том, что там также проживала раса высоких белых людей, которые якобы строили пирамиды и гигантские сооружения, сохранившиеся на берегах озера Титикака, на границе с Боливией.

– Да, и на Титикака, и в Боливии есть мощные инженерные сооружения так называемой цивилизации Тиауанако, жителями которой и были белые великаны.

– Ну ладно, Бог с этими «Титикаками» и т. д., конкретизирую тему. И Федор, понизив голос, одновременно включил радиолу «Ригонда».

Он продолжил рассказ.

– На самом деле в отрядах испанских и французских колонизаторов имелись «посвященные» люди, искавшую в тех местах «Черную пирамиду». И в конце концов нашли место нахождения этой пирамиды, но гораздо позднее.

– И знаешь, где? Не дожидаясь ответа Алексея, сам же и

ответил на свой вопрос.

– На Аляске. К сожалению, в окружении Александра II не было лиц, посвященных в эти тайные дела. И он продал Аляску американцам. Федор так печально вздохнул, как будто сам потерял что-то очень ценное.

– А ты знаешь, что царь Николай Второй восемь раз пытался выкупить Аляску, именно из-за «Черной пирамиды». И даже Сталин обращался к Рузвельту с подобной просьбой. Но все безрезультатно.

– А в чем ценность этой пирамиды, – неуверенно спросил Алексей, не желая показаться дилетантом.

– Ты не робей, я тоже недавно об этом узнал. Под контролем так называемых «дальних соседей» работает лаборатория альтернативной истории. Как тебе объяснить. Они работают по методу Шлимана, который изучив вдоль и поперек «Илиаду» Гомера, установил, где находится Троя, и раскопал великие ценности. Эти умники из лаборатории также относятся к Библии, утверждая, что там отражены реальные исторические события. Ну, даже, как говорил Аркадий Райкин «это не дебри, а дерби». Кстати, вспомнил один перл из Литературной газеты, называется «Опечатка в газете: ... вместо, написанного «сионист Пердюк», следует читать «пианист Сердюк». Вот так и мы в этих «дербях» обитаем. Здесь не подготовленный человек и голову сломает.

Короче, «Черная пирамида» на Аляске и пирамида «Тул» в Антарктиде, обе после всемирного катаклизма сейчас

находятся ниже уровня Земли, при определенной технологии могут генерировать такое количество энергии, что мир забудет про нефть, газ и уголь. Но это может произойти только тогда, когда создастся классическая цепь. То есть, нужно найти «Срединную пирамиду». И это наша задача.

Алексей задумчиво глядел в пол, пытаясь понять, что скрывается за этим бредом. Какие-то пирамиды, какие-то дальние соседи, альтернативщики и т. д. И выпили вроде бы немного. Но в какой форме высказать свои сомнения Федору, чтобы не обидеть старого друга и доктора биологических наук? Ну ладно, про пирамиду «Туле» он читал в журнале «Наука и жизнь», про «Черную», а тем более «Срединную» и слыхом не слыхивал.

– Ладно, коллега (при Горбачеве стало модным так обращаться друг к другу на Старой площади) я хоть и не Мессинг, но прочитал все твои мысли. Только зря ты все это обозвал бредом.

– Да я, я, я и не...

– Успокойся, у меня была такая же реакция, и я ее высказал одному уважаемому человеку. Но потом мне все объяснили на пальцах. А теперь? Короче, все серьезно. Сразу после захвата Румынии советскими войсками, нашли архивы «секуритате», из которых стало ясно, что немцев в Румынии интересовала не только плоештская нефть. Они искали «Срединную пирамиду», и знаешь где? Там же, где мы сегодня были.

И Федор поведал следующее.

– В 4 веке н. э. римляне захватили Валахию, нынешнюю Румынию, и включили ее в состав Римской империи. Римлян в стране дакков ничего не интересовало, кроме соли, они начали ее добывать... Ну, ты уже догадался... В дневнике одного из католических монахов в зашифрованном виде, как у Нострадамуса, есть упоминание о каменном строении треугольной формы. И потом, только через пятнадцать веков, в это место нагрянули германские археологи. Они что-то раскопали в архивах Ватикана. Короче, все это было доложено Сталину, которому, как я сказал, Рузвельт отказал в продаже Аляски, и он дал команду организовать поиски пирамиды в Румынии. Под кураторством Берии сформировали бригаду метростроевцев, в лагерях нашли двух знатоков в области пирамид: и «Черной», и «Туле» и т. д. И Сталин не считал это бредом. Без «Срединной» пирамиды цепь не запустится. А в случае удачи эти пирамиды смогут генерировать такое количество энергии, что мало не покажется. Вот так, конечно, путано я тебе доложил диспозицию. Включай мозг, ведь недаром ты с отличием окончил Дипакадемию?

Алексей все время молчал, мысли путались, их надо было привести в порядок. И он вспомнил, что когда был в Шушенском – месте ссылки Ленина, гид цитировал вождя. Когда мысли путаются и не знаешь, что написать, надо выпить вина... По словам гида, Ильич частенько заглядывал в винную лавку вместе с Надеждой Константиновной. Вот и ре-

шение проблемы.

Алексей в стакан для сока от души плеснул коньяка, и под неодобрительным взглядом своего старшего товарища залпом выпил. Напиток мгновенно разливал тепло по всему телу, его седативное воздействие проникло сразу в оба полушария мозга. Немного закружилась голова, и на мгновение он прикрыл глаза. Ему показалось, что он карабкается на вершину пирамиды, но на гладком камне руки соскальзывают, и движение вверх не происходит. Внизу какие-то люди кричат: «... ползи, парень, ползи!» Но руки не слушались, и сила притяжения потянула его вниз. Он уже готовился к неизбежному, но чья-то сильная рука сжала ему запястье, и он вскрикнул от боли. На него с удивлением и беспокойством смотрел Федор и считал пульс.

– Леша, ты так не пугай, что с тобой, – мы просто разговариваем.

– Сам не пойму, коньяк видно ударил сверх меры по мозечку, и я провалился в короткий сон. Все я в порядке.

– Понял, переваривай услышанное, я еще кое-что добавлю. Метрострой в пещере прорыл несколько тоннелей. Копали до смерти Сталина, потом Хрущ свернул проект, обвинив всех в бесовстве. Брежнев вообще такими делами не интересовался, а вот Горбач, представь себе, проявил интерес. Я сегодня получил от румына, в прошлом коммуниста, дополнительные материалы. В Москве обработаем и тебя посвятим. Главное, мы сегодня опознали место, от которого найдем лаз

в коридор метростроевцев. Здесь тоже прикольно: от буквы «М», как в «Острове сокровищ», есть несколько засекреченных этапов до места лаза. Но это так для инфо. Подытоживаю, твоя задача на предстоящие месяцы найти любые варианты взять эту шахту в концессию. Словом, сделать все для того, чтобы наша спец бригада продолжила поиски пирамиды. Можно создать СП, румынам будет легче договориться между собой. Ну, а теперь пора спать, завтра переговорим.

Назавтра разговор действительно состоялся, но не с Федором, а с женой Наталией. Она долго и вопросительно смотрела на Алексея:

– Может, что-то объяснишь?

– А, что такое, дорогая?

– Ты под утро во сне громко кричал: «сальник... шахтеры...». Ты можешь это объяснить?

– Да. Это так... Сон о прошлом. Не переживай.

Глава 11

Видимо, любуясь собой в зеркале водной глади, грациозный лебедь замер. Неужели я такой на самом деле, или это только так кажется, ведь отражение в воде может быть обманчивым, думала гордая птица. Он развернул правое крыло, поиграл им, проверив углы наклона на взлет и торможение. Это были главные и необходимые упражнения. Крылья всегда должны быть в боевой готовности. Так учил меня мой отец. Ведь там в кустах, в укромном месте, еще спят моя половинка и трое питомцев. Я за них в ответе. Но надо проверить окрестности, думал гордый красавец. Невидимые движения лапами, и он стал набирать крейсерскую скорость.

Лебедь не плыл, а казалось парил над озером, как катер на подводных крыльях. Его действия природой были доведены до автоматизма. Невидимыми движениями головы он сканировал почти 360 градусов. Мощный наплыв от равномерных толчков ласт вызывал бурлящую турбуленцию за мнимой кормой и даже легкую волну. Поиграв скоростью, лебедь снизил обороты и перешел в дрейф. Яркая белизна и изящная осанка птицы олицетворяли видимое добро над неизбежным злом, которое скрывалось в мутных водах водоема. Он приблизился к еле заметной бухте за плакучей ивой, где должна бы обитать мелкая рыбешка. Но отец предупреждал, что в таких местах обычно есть глубокие ямы, в которых

обитают злейшие враги лебедей сомы. Это место давно не давало ему покоя, он иногда замечал, правда с большого расстояния, что около плакучей ивы происходят в воде какие-то схватки, а рыба там никогда не плещется. Вот и сейчас вода там бурлила, и видно неспроста.

В это утро Станку проснулся раньше обычного и не понял почему. Для рыбалки все было готово. После того, как он потерял работу, добыча рыбы стало основным промыслом для пропитания семьи. Пока шел клев, надо было по полной использовать погожие дни конца сентября 1991 года, чтобы сделать хоть какой-то запас на первые месяцы зимы.

Не окончив гимназию Станку, как многие парни его деревни, устроился на шахту. С тяжелой работой он справлялся хорошо, благо сил было много. Включил голову, и скоро его назначили звеньевым, а это почти на тридцать процентов увеличило заработок, но и ответственность стала выше.

Пока шел к озеру, думалось почему-то не о рыбалке. Мысленно сцены прошлой жизни сменяли друг друга как в калейдоскопе. Но постоянно мучило одно – к чему мы пришли. Он, как и миллионы румын, ликовал по поводу свержения Чаушеску, но не понимал причины столь быстрой казни Николае и Елены. Эта революция вызывала двойственное отношение, вера в светлое будущее быстро растаяла. А ведь при Чаушеску он и его товарищи шахтеры имели стабильную работу, неплохую зарплату и сносное обеспечение продуктами питания. Сейчас полки магазинов наполнились, но не было

денег. Не стало работы и перспектив.

Поначалу верили, что реформы правительства Петре Романа приведут к зажиточной жизни, ан нет стали закрывать шахты и фабрики. Безработица росла как на дрожжах. Место национальных товаров занял импорт. Понаехавшие из Франции румыны не только взяли власть в свои руки, но стали приватизировать госсобственность и оформлять ее на своих родственников и друзей. Да, Чаушеску жил по-господарски, имел счета в швейцарских банках, но он был единственный олигарх в стране. А сейчас...

Наконец он добрел до озера и обосновался на своем любимом месте. Расчехлил удочки, но почему-то не спешил их закидывать. Вспомнил вчерашний разговор с приятелем по шахте Ионом. Тот по секрету ему сказал, что профсоюз горняков принял решение повторить марш на Бухарест, чтобы потребовать отставки коррумпированного правительства. Сбор послезавтра у здания муниципалитета города Петрошани, находящегося в трехстах километрах от Бухареста. Станку давно ждал чего-то подобного и обещал непременно принять участие.

Только он закинул удочку, как его внимание привлекло что-то светлое и грациозное на противоположной стороне водоема. Он залюбовался белым лебедем и подумал, что появление красивой птицы – это, видимо, добрый знак. Не хотелось отрывать взгляд от глянцевого красавца. Но тут поплавок ушел под воду, и удочку потянуло вниз. Стан-

ку еле успел подхватить бамбуковое удилище, почувствовав необычное натяжение лески. Это могло произойти, если крючок заглотила крупная рыба. Станку попытался поводить удилищем вправо и влево, но ничего не получалось. Он сразу вспомнил недавно прочитанный рассказ Хемингуэя «Старик и море» и подумал, неужто и мне повезло. Ведь для семьи это еда почти на месяц. Противостояние шло несколько минут, но силы видно были равные. Моментами противники застывали как при перетягивании каната, когда уже канат трещал по швам и его нити рвались одна за другой. Станку был уже по колено в илистой воде, и почва уходила из-под ног. Но он не сдавался. Тут нога уперлась в корягу, и из последних сил он сделал гигантское усилие. Рывок был настолько мощным, что случился обрыв лески, а на поверхности показались окровавленные пузырьки. Да хищник ранен, и он, как подстреленный, но еще живой кабан, – великая угроза для обитателей озера.

Обессиленный Станку упал на землю и почувствовал усталость, словно восемь часов провел в забое. Вот так и мы вкалывали – вкалывали, а сейчас ничего, и рыба сорвалась. Ну ладно, завтра предстоит решающая схватка. Она ничьей не закончится.

Пока собирал снасти, метрах в двадцати увидел торчащую из воды, как перископ, леску и характерные круги на воде в этом месте. Видно, рыба-подранок всплыла, пытаясь освободиться от крючка. В журнале «Рыбалка» он читал о таких

случаях. Жалко лодки нет, а то бы... Но тут леска внезапно исчезла, и по завихрению воды он понял, что рыба камнем пошла вниз.

Может ее к берегу прибьет, подумал Станку и пошел вдоль озера. Странное чувство охватило его, когда он приближался к плакучей иве. Поднял голову, его на миг ослепило восходящее солнце, а когда зрение адаптировалось, его глаза вонзились в зенки белого лебедя. Птица плыла прямо на него, что было очень странно. И весь ее вид и взгляд как бы о чем-то вопрошал Станку. Ну что за бред, что мне мерещится? Бог с ним с лебедем, он достанет прокорм для своей семьи. Надо подумать и о своей. Рыбак внезапно остановился. Косые лучи светила, превратившиеся будто бы в солнечный зайчик, прорезали мутные воды заводи. И Станку не поверил своим глазам. На дне, как призрак чудовищного дракона, извивался в судорогах подраненный сом. В нем все еще кипела огромная силища. Резкое движение хвостом, и огромная рыба начала всплытие.

Станку как разрядом электрического тока пробила мысль, что красавец лебедь в большой опасности. Да что ж ты делаешь? Взмахами рук он показывал лебедю, что надо уплыть. Умная птица сразу его поняла. Резкий взмах крыльями приподнял туловище птицы, но почему-то не оторвал от поверхности. Птица еще сильнее замахала крыльями, испуганно вращая шеей из стороны в сторону. Вот одна согнутая лапа вышла из воды. Птица сделала попытку взмахнуть кры-

льями, но было поздно, тело от воды не отрывалось. Вокруг лебедя вода закипела и забурлила. В один из моментов морда сома размером с футбольный мяч показалась из-под воды, мертвой хваткой держа в пасти лапу птицы, тело которой погружалось в бездну. Силы были неравные, лебедь отчаянно сопротивлялся. Станку, в глазах которого читался страх и отчаяние, беспомощно наблюдал как уродливая, похожая на волчью, пасть сома тянула лебедя в заводь. После секундного замешательства, Станку не сложил руки, а расчехлил пику и стал яростно бить в то место, где происходила схватка. Его ярость была так неудержима, он даже не обратил внимание, что стоит почти по пояс в воде. Он махал пикой как киркой в забое. Может двадцать, может сорок ударов, он потеря счет. Наконец, пика пронзила что-то мягкое, и поверхность воды о стала бурой. Силы были на исходе, и казалось на секунды он потерял сознание.

Несмотря на отчаянное сопротивление, речное зло одержало вверх над царем водоемов.

Станку обессиленный лежал на земле, которая благоухала испарениями осоки и зверобоя. Он рыдал, уткнувшись головой в траву, и не стеснялся своих слез. Рядом лежали – туша сома и, в клочья разодранный, белый лебедь. На душе у Станку было горько, как никогда в жизни, он чувствовал вину перед белым красавцем. Ему казалось, что действия лебедя – это знак свыше, указавший путь к месту, где затаился сом-подранок. Ангелы рыбака не могли просто бросить его

и его семью на голодную смерть. Лебедь взял на себя роль мученика. От этих мыслей Станку разрыдался еще больше.

В небольшую яму, углубленную охотничьим ножом, Станку положил останки лебедея, накрыл дерном, а сверху положил хвойные ветки. Теперь птица в безопасности, и от ястребов, и от воронья. Остатки хлеба и прикормочной крупы он раскидал у лежища лебедей, поклявшись приходить к ним с запасами кормов.

Глава 12

Возвращался в Бухарест с двойственным чувством. Да, липоване принимали радушно, поскольку Николай дружит с этой общиной давно. Конечно, это другой и самобытный мир. Живут замкнуто и не ощущают потребности в друзьях или соседях. Много трудятся, и не принимают праздную жизнь. Везде чувствуется четкая иерархия, строгая подчиненность старшим. Алкоголь и табакокурение под запретом. С Николаем это было испытанием – продержаться на квасе два обильных ужина.

В Бога верят по-своему. Сооружения церквей и штат священников липоване определяют по своему. Ну и так далее. Конечно, положительно то, что они не курят табак и не употребляют алкоголь. До этого они пришли сами без сухого закона Горбачева-Лигачева и вырубки виноградников.

Дорога петляла по невысоким сопкам, местами извиваясь серпантинном. Золотая осень нарядила дубравы и смешанные леса в цвета пейзажей Левитана. На фермерских полях шла «битва за урожай», как написала бы газета «Правда».

Когда в машине заработало радио пассажиры «семерки» услышали в последних новостях о том, что в городе Петрошани митингуют шахтеры и требуют отставки правительства. На этом месте трансляция прервалась.

– Алексей, надо прибавить газу, чтобы не нарваться на

«комплименты» начальства, ведь мы с тобой два ценных работника, как сказал культурный атташе.

– Да, я понимаю, будем выжимать максимум из совавтопрома.

Николай постоянно поглядывал на часы, а на железнодорожном переезде просто обмяк и загрустил. Стояли около двадцати минут.

Вот показались окраины столицы, блочные дома все серого цвета. Наши «Черемушки» в этом плане по сравнению с бухарестскими окраинами – это Нью-Джерси, под Нью-Йорком, – подумал Алексей.

– Леша, газу, газу...

– У нас «газ» почти на нуле, придется доливать из канистры. В те годы, дефицит бензина сохранялся таким же, как и при Чаушеску. Но разгул демократии привел к тому, что в столице на трех бензоколонках для дипломатов похерили все правила. Там заправлялись все кому не лень. К заветной колонке советским дипломатам приходилось пробиваться «с боем». Западным коллегам заправщики расчищали путь к колонке, а советских просто игнорировали. На вежливое обращение на русском языке не реагировали. Сделав такой вывод Алексей обычно задним ходом, без очереди, ругаясь на английском, расчищал себе дорогу к стойке. Выбегавшие при этом заправщики ему охотно помогали. Ругательства на английском производили на них нужное впечатление, а на русский мат они отвечали тем же вокабуларом.

– Алексей, включи ты радио, наконец, я не нахожу себе места, – пробурчал Николай.

– Нет проблем.

Но все новостные каналы передавали интервью с различными медийными персонами на темы будущего страны, о ее месте в меняющемся мире и т. д. Однако стало ясно, что это транслировались передачи, записанные как минимум вчера. Там же, где каждые полчаса крутили последние новости, звучала классическая музыка.

– Ну что, там шахтеры? – не успокаивался Николай. По моей информации они давно что-то серьезное затевали.

– Коля, расслабся, ты уже почти дома. Через пять минут будешь в офисе.

Высадив приятеля Алексей направился в сторону проспекта Киселефф. Подъезжая к площади Авиаторилор он увидел несколько полицейских бронемашин у здания правительства. После разгона шахтерами демонстрантов в июне 1990 года оппозиция не успокоилась, и у дома правительства регулярно проводили различные митинги. И Демократический союз венгров Румынии, монархисты, цэрэнисты и прочие здесь собирали от сотни до несколько тысяч человек. Манифестации носили мирный характер по тогдашним меркам Румынии, что все к этому привыкли. Жертв не было, мизерное число пострадавших от слезоточивого газа или дубинок в расчет не брались. Миновав площадь он решил прибавить газу, но правая нога буквально зависла в воздухе.

На все расстояние, что хватало глаз, по шоссе Киселефф, в буквальном смысле плыла черная масса. Наверное сверху она была похожа на гигантскую анаконду, медленно ползущую к своей жертве. Все автомобили остановились. В окно доносились равномерные звуки, точнее кляцанье подков форменных полу-сапог. По четыре человека в шеренгу, по бригадно растянувшись минимум на километр, к Дому правительства двигалась колонна шахтеров в несколько тысяч человек. Одетые в черную робу с касками на голове, с лицами, местами в угольной пыли, они чеканили шаг, который громким эхом разливался в радиусе до сотни метров. «Бум, бум, бум», печатал чеканный шаг. «Лязг, лязг, лязг», подпевали подковы. От колонны шла такая мощная волна, что затихли птицы, а деревья замерли как перед грозой.

За машиной Алексея образовалась пробка на несколько сот метров. Сигналы клаксонов смолкали по мере того, как приближалась «Терракотное войско». От головной части колонны отделилось несколько групп, на рукавах из роб имелись красные повязки. Это были патрули, видимо с широкими полномочиями. Подбежавший патруль приказал Алексею выйти из машины и предъявить документы. Пришлось исполнить их приказ. Убедившись, что Алексей советский представитель, они ему рекомендовали ближайшими перекладками уехать в безопасное место. Алексей и без советов патруля знал, что делать, но вежливо поблагодарил шахтеров и свернул на соседнюю улицу. Отъезжая он заметил на

форменной тужурке старшего патруля надпись «Станку Маринеску». Этот рослый белокурый парень с голубыми глазами похож больше на нашего донского казака, чем на румына, – подумал Алексей.

Поначалу кривой переулочек был пустым, и это зародило надежду, что удастся быстро добраться до представительства. Но эйфория скоро улетучилась. В нужном направлении переулочек оказался тупиковым, а въехав на т-образном перекрестке в какую-то улочку сразу натолкнулся на препятствие. Ее перегородил фургон «Кока-колы», разгружавшийся у магазина. Вперед движение встало, назад машину Алексея уже заперли «Мерседес» 70-х годов и еще более древний «Фольксваген». Ни туда – ни сюда, но где же выход. Пока Алексей размышлял случайно услышал разговор двух парней с румынским флагом в руках.

– Я тебя предупреждал, что сегодня будет жарко, «коммуняки» опять вызвали шахтеров, чтобы снова засунуть нас в соцреализм. К зданию правительства лучше не соваться, могут замочить, как было в июне прошлого года.

– Ну, а что делать, как остановить это безумие? Помнишь на вилле американского советника посольства, которая недалеко от советской школы, американец сказал, что молодым надо объединяться, чтобы скинуть эту власть.

– Да, все верно, но одними митингами мы ни хрена не достигли. Я до сих пор чувствую привкус слезоточивого газа. Ладно, надо что-то делать, на площадь мы не попадем, но

зафиксировать кое-что сможем. Видишь подъезд, с крыши этого дома все будет как на ладони видно.

И парни ринулись в открытую дверь парадного.

– Да, это и для меня вариант. Будет что увидеть и доложить руководству. Алексей взглянул вверх и убедился, что с крыши восьмиэтажного доходного дома будет действительно хороший обзор. Но что делать с тачкой. Решение пришло быстро. Он загнал семерку в тупик кривого переулка.

Лифт не работал, сигнальные лампочки не горели. Опять вырубили электричество, чертыхнулся Алексей. Лестничные пролеты были такие же длинные, как в старинных домах на Старом Арбате. Но грамотно выбранный инженерами той эпохи градус подъема облегчал восхождение. Добежал на верхний этаж почти без одышки.

На крыше дворник безуспешно пытался прогнать двух парней, которых Алексей видел на улице. Один из них снимал на фотоаппарат то, что происходило у Дома правительства. Дворник кинулся к Алексею, но услышав непонятную ему отборную брань на – испанском, быстро отстал и тоже стал наблюдать за событиями на площади.

То, что увидел Алексей сначала не вызвало никаких эмоций. Перед парадными дверями правительственной штаб-квартиры немногочисленный пикет шахтеров вел переговоры с полицией. Переговорщики периодически что-то кричали своим товарищам, заполнившим всю площадь. Навскидку, их было тысяч десять. Переговорщики от прави-

тельства бегали то в офис, то из офиса назад. Похоже, они пытались в чем-то убедить шахтеров. Такая чехарда длилась уже минут десять. Возникла какая-то патовая ситуация. Наконец, через громкоговорители полиция стала призывать шахтеров покинуть площадь, обвиняя их в несанкционированном митинге. Но никто не расходился. Над толпой демонстративно пролетел полицейский вертолет. Воздух сотрясли сирены десятка полицейских машин, спешащих на усиление. В ответ на это шахтеры, как по команде, стали выбивать своими полу-сапогами какие-то такты, как в чечетке. Фон от этой чечетки нарастал медленно с низкой ноты до верхней. Шахтеры, стоявшие по периметру, подключили еще удары касками по брусчатке в такт чечетки. Этот «концерт» приобретал зловещие оттенки увертюры, которая непременно должна была разразиться небесными громом и молнией.

Хотя было и не близко, но Алексей видел напряженные лица полицейского ОМОНа, прикрытые пластиковыми масками. Звук от подков шахтерских «гадов», как барабанная дробь перед исполнением смертельного номера в цирке, натягивал струну противостояния. На крыше дома зевак прибавилось, и напряжение площади достигло и этой, так сказать, смотровой площадки. Увидев, как полиция надевает респираторы и расчехляет баллоны со слезоточивым газом, одна девушка упала в обморок. Хорошо, что рядом оказались ее друзья, которые и увели ее с крыши. На минуты этот инцидент отвлек внимание Алексея и других наблюдателей.

Когда же взоры вновь обратились к площади, все увидели, что последние шеренги шахтеров подошли к авангарду, и колонна приобрела вид натянутой пружины. А когда на балкон Дома правительства вышел мужчина в элегантном черном костюме и красном галстуке и стал требовать очистить площадь, «пружина взорвалась». Несмотря на предупредительные выстрелы и слезоточивый газ, голова шахтерской колонны, как стрела из арбалета, полетела прямо в парадные двери. Раздались выстрелы, и дымовая завеса окутала фасад здания. Что творилось у парадных дверей как бы исчезло с «экрана», но отчетливо были слышны пистолетные выстрелы и звон разбивающегося стекла. Через несколько минут стало понятным, что столкновения продолжились на втором и третьем этажах правительственной резиденции. Все стихло также внезапно, как и началось, когда на балконе здания появилась группа шахтеров и объявила, что правительство под их контролем.

На следующий день, изучив все местные газеты, Алексей восстановил хронологию событий и записал ее в свой личный дневник:

– 24 сентября 1991 года шахтеры, чьи требования об улучшении условий труда и заработной платы выполнены не были, заняли здание городской администрации в Петрошанах. По призыву их лидера несколько тысяч шахтеров захватили поезд и направились в Бухарест к Дворцу Победы – резиденции румынского правительства. Премьер-министр Петре

Роман отказался вести с ними переговоры, и шахтеры напали на правительственную охрану. Через день правительство подало в отставку. Как сообщалось в газетах, три человека погибло и 455 было ранено. Среди погибших Алексей увидел фамилию Станку Маринеску.

– Да, шахтеры – сильное оружие революции, подумал Алексей. Он вспомнил слова известной песни: «...и нет у революции конца».

Вместо заключения

Когда Алексей описывал эти события в дневнике, до «смерти» Советского Союза оставалось около трех месяцев. Армия пребывала в казармах, шахтеры в шахтах, а много-миллионный народ безмолвствовал.